

МАКАБР

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ПОЛНОЧЬ

МИЛА НОКС

Макабр

Мила Нокс

Путешествие в полночь

«РОСМЭН»

2017

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Нокс М.

Путешествие в полночь / М. Нокс — «Росмэн»,
2017 — (Макабр)

ISBN 978-5-353-08639-0

«Путешествие в полночь» – вторая книга фэнтези-серии «Макабр» писательницы Милы Нокс, победителя VII сезона литературного конкурса «Новая детская книга». Теодор Ливиану получает на свой день рождения превосходный подарок – выигрыш в Макабре, игре, которую проводит сама Смерть! Правда, что происходило с ним и с другими игроками 20 марта, в день его рождения, он совершенно забыл... Тео только понимает, что Смерть никому ничего так просто не отдаст. Но он готов идти дальше – по владениям Смерти через волшебные пустоши, леса и топи – и даже спасти тех, кого ненавидел всю свою жизнь. Вот только готов ли хоть кто-нибудь спасти его самого?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08639-0

© Нокс М., 2017

© Росмэн, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	37
Глава 5	51
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

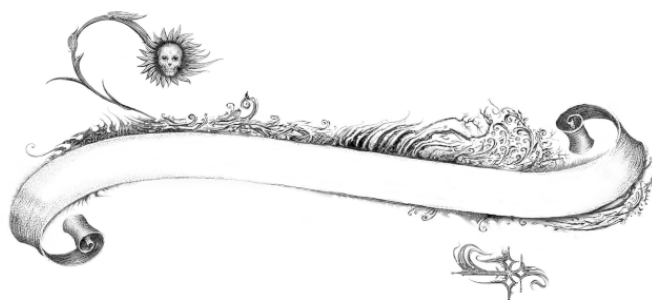
Мила Нокс

Путешествие в полночь

В серии «МАКАБР» вышли книги:

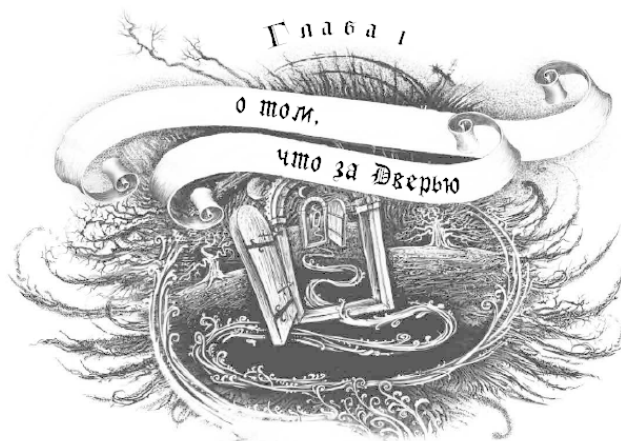
1. Игра в сумерках
2. Путешествие в полночь

Макабр –
по средневековому поверью –
«пляска смерти»
(«La Danse macabre»),
в которой мертвецы
увлекают за собой живых
в смертельный танец

Глава 1

О том, что за Дверью

Первое, что услышал Теодор, лежа животом на холодном каменном полу, был его собственный голос. Он звучал не в голове, не в мыслях, а шел откуда-то со стороны, словно рядом, в паре шагов, стоял второй Тео и негромко повторял: «Макабр... макабр... макабр...»

Тео шевельнулся, и голос смолк.

В ушах тихо звенело, в горле пересохло. Теодор с трудом сглотнул, и язык шершаво заскреб по нёбу. Он приподнял голову, буквально взорвавшуюся от боли, с трудом сел, прижал ладонь к саднящему лбу, а затем поднес ее к глазам.

Кровь.

Он скривился. Осмотревшись, увидел, что сидит в мрачной каменной кишке. На стене висела маленькая масляная лампа, и свет от нее лился тусклый и неверный. Пахло пылью, затхлостью и сыростью. Коридор уходил вправо и влево, где темнота сгущалась в мрачные гулкие четырехугольники. Тео подумал, что эти пыльные зябкие коридоры, должно быть, тянутся и тянутся бесконечно.

– Эй?

Тео вздрогнул и оглянулся по сторонам.

Никого.

Он уставился в стену, будто та могла ответить на немой вопрос: «Кто это сказал?» На границе памяти смутно забрезжило – какой-то проблеск, обрывок, шорох мысли. Тео напряг раскалывающуюся голову... И вспомнил.

Макабр.

Именно это слово повторял голос. И именно этот груз Тео носил в себе целый месяц. Макабр. Игра. Тео вспомнил, *ради чего* встрял в это безумие, и сердце тоскливо сжалось. Родители. Отец, мама. Их нет. Они исчезли, и он отправился за ними на Макабр – древнейшее соревнование, выигрышем в котором должно стать исполнение абсолютно любого желания.

Звучит абсурдно, если бы не одно «но». Макабр – игра, которую устроила сама... Смерть. И Тео ее видел, говорил с ней. Или, скорее, с ним – ведь у Смерти было его собственное лицо.

Ма-кабр.

Странное слово. Древнее, он был уверен. Жуткое.

Словно из тумана проступили лица и события. Горящий дом, в котором бьется и кричит филин. Черные руины. Розовая вспышка, звон «дзиньк-бреньк-бумц» – Глашатай Игры, Волшебный Кобзарь. Лица других игроков... Живых и мертвых. Бег, крики, кровь...

Тео зажмурился. Сколько всего возникало в памяти из тумана!

Вот он вытягивает Санду из Окаянного омута, вот выходит с ней на берег. И звучит ледяной голос мэра: «В Макабре нельзя убивать. Однако никто не запрещал брать игрока в плен...» Это было накануне последнего тура. Нашел Тео ключ, открывающий дверь в мир Смерти, или нет?

Пустота.

Тео не помнил ничего. Что после? Он потряс головой. Чистое полотно без воспоминаний. Как же он очутился в этом коридоре? Сколько тут находится и сколько еще будет здесь?

Надо найти выход.

Тео с трудом встал. Сделал шаг, снял со стены медный светильник с дрожащим язычком пламени. Вправо? Влево? Какая разница. Придерживаясь за выщербленную стену, он ступал с осторожностью. Через сотню шагов свет выхватил на полу чью-то фигуру. Кто-то сидел, прислонившись спиной к стене и низко опустив голову. Тео напрягся, машинально потянулся к поясу, нащупывая неверными пальцами рукоять. Ножа не было. Тео стиснул зубы. Что ж...

– Эй, вы кто? – тихо спросил он.

Человек не пошевелился. Тео сделал шаг, другой, и вдруг дыхание у него перехватило: свет масляной лампы упал на фигуру, и Тео увидел, что сидящий мертв.

И мертв давно.

Серая кость скул. Пустые глазницы уставились на запыленный кудрявый парик, обвитый тусклыми лентами, который все еще сжимали тонкие кости пальцев. Атласный камзол потускнел, но на воротнике еще поблескивала золотая вышивка. Тео стало нехорошо, даже живот свело. Он оглянулся – по-прежнему пусто и тихо. Темнота. В коридоре только он и скелет.

И распахнутая книга на полу.

Тео поднял томик, взглянул на картинку. Со страницы 22 на страницу 23 Смерть с косою вела людей: толстого богача, бедняка с котомкой, короля и шута. Высоко вскидывая ноги в хороводе, они держали за руки мертвецов. Подпись под картинкой гласила: «La lanse macabre».

В Средневековье жизнь представляли как танец со Смертью, Макабр. На самом же деле оказалось, что раз в сто или больше лет Смерть в обличье человека устраивала соревнование, наблюдая за тем, как живые и нежити проходили испытания и умирали ради возможности открыть дверь в ее волшебный мир и взять оттуда любую вещь. Или человека.

Тео пришел в Макабр за вторым.

Уши Тео уловили звуки из соседнего коридора. Кто-то шлепал подошвами по полу, все ближе и ближе. Тео догадался, что свет его масляной лампы заметили. Он поставил лампу на пол – пусть тот, кто выйдет из прохода, первым делом заметит ее, – а сам, стараясь ступать беззвучно, отошел к стене.

Шаги стихли. Правая рука Тео сжалась в кулак, а левая судорожно дрожала – еще немного, и он схватит незнакомца за горло. Сердце колотилось быстро и гулко, Тео сглотнул. Пить хотелось чертовски.

И – снова шаги! Совсем рядом, в каком-то метре от него. Тео глубоко вдохнул. Секунда – и в проходе появился человек. Тео вскинул руку – и едва успел удержаться от удара, увидев огромные серые глаза, пухлые губы и вихор надо лбом.

Санда запоздало вскрикнула. Кровь отхлынула от щек девушки, и Тео заметил, как над ее виском забилась жилка. Какое-то время они так и стояли, Тео – с занесенным кулаком, Санда – с натянутым луком.

– Т-тео?

Девушка чуть ослабила тетиву, но стрелу не сняла. Что-то во взгляде Тео не на шутку ее настораживало. Тео подумал, что, вероятно, виду него просто-таки свирепый, и опустил руку. Санда едва слышно выдохнула.

– Где мы? – прохрипел Тео, не узнав свой слабый голос. Горло драло, будто он наелся песка.

– Это... кажется, лабиринт. Я то и дело сворачиваю куда-то, но ни разу не видела двери или окна... Ого! А где твоя тень?

– Санда, о чем ты вообще? Это Вангели нас поймал и притащил сюда?

Девушка вскинула брови.

– Э... в смысле Вангели? Он тут при чем?

Пришла очередь Тео удивляться. Он прекрасно помнил, что, перед тем как потерять сознание, слышал голос мэра.

– Он же поймал меня на берегу, помнишь? Сеткой. Сказал, что берет в плен.

Тео уставился прямо на девушку, несмотря на то, что крайне редко смотрел людям в глаза. Но сейчас ему нужно было увидеть ее эмоции.

Санда нахмурилась, уставившись на него в ответ.

– Тео, что с тобой? Это же было два дня назад, еще до того, как... Потом мы же виделись. Темница, смерть твоей...

Девушка запнулась, и взгляд ее метнулся к груди Тео. Он проследил за ее глазами и распахнул плащ. Свитер под ним пропитался кровью. Но кровь была явно не его. Тео сжал заскорузлую ткань.

Он не помнил ничего. Два дня назад... Значит, вчера был его день рождения. Двадцатое марта, которое он забывал каждый год. Тео похолодел. Что-то случилось в этот день – что-то важное, но оно стерлось из памяти.

Смерть. Чья?

Теодор потерянно прижимал к груди ладонь, а Санда пристально за ним наблюдала.

– Ты что, забыл? – наконец догадалась она. – Забыл? Все?

– Чья это кровь?

– Твоей тети.

У Санды были виноватые глаза. Она заговорила – быстро, сбивчиво, – а Теодор слушал о том, что произошло в прошлую ночь, и внутри разливалась ярость. Кипела и бурлила, поднимаясь жгучей волной. Когда Тео услышал про Вангели, мэра города, державшего в плену его самого и тетю-нежитьницу, чтобы ставить эксперименты, и что Вангели отправился играть в Макабр за оружием против нежителей, он со стоном схватился за голову.

Виски отчаянно пульсировали.

И тут послышалась музыка!

Нет, не просто музыка. Гимн. Щемящие радостные ноты донеслись до ушей Тео и Санды и проникли в самые души. Через несколько секунд тревога ушла, а вместо нее вспыхнуло ликование и безграничное счастье. Далекая кобза играла и играла, и Тео только спустя минуту (или целую вечность) понял: там, где-то в глубине катакомб – Кобзарь! Он выведет их отсюда.

– Скорее, пока песня не закончилась!

Тео рванулся налево, но мелодия там вроде бы звучала тише. Тогда он бросился обратно, схватил лампу и побежал направо. Он слышал, как Санда пыхтит следом и окликает его. Тео тыкался в один проход, выбегал, разворачивал Санду, кричал «за мной!» и несли в другой, но не тормозил в страхе, что гимн оборвется и они останутся в этом темном месте навсегда. Навсегда, когда песнь закончится и неверный огонек лампы погаснет, навсегда, совсем как скелет бедолаги с париком. Вскоре он уловил в стороне топот и понял, что другие игроки тоже искали Кобзаря.

Но вот музыка заполнила весь коридор. Кобзарь радостно бил по струнам, и Тео понимал: он где-то совсем рядом.

Еще чуть-чуть!

Тео еле вписался в очередной поворот и увидел дверь, из-за которой и доносилась музыка. Тео ринулся прямо в приоткрытую гигантскую створку и оказался в темном зале – правда, здесь было видно немного лучше, чем в каменном подземелье.

Посередине зала возвышался черный трон. Он был пуст, но чуть поодаль на полу сидел Глашатай и наяривал на кобзе. Следом за Тео вбежала Санда, потом – растрепанная Дика и Маска, а чуть позже в створку сунулся Алхимик. Взвизгнул, спрятался за дверь и уставился из-за нее блестящими глазками, явно боясь нежителей.

Лишь одного не хватало.

Только когда Кобзарь перестал играть, послышались тихие шаги, Алхимик поспешно посторонился, и в дверях обозначилась темная фигура. Александру Вангели. Мэр увидел нежителей, застыл. Вытянул из-за пояса пистолет, но пошатнулся и схватился за дверной косяк.

Глашатай ткнул пальцем в мэра, и в бесконечном зале ужасающе громко прозвучало:

– Стоп-стоп-стоп! Убивать, когда я говорю, запрещается! – Кобзарь выглядел рассерженным, но через секунду лицо его просветлело. – Вот когда я закончу – можно!

Музыкант с укором поцокал языком, и Вангели схватился за висок, словно от голоса Кобзаря его голова чуть не лопнула. Выглядел мэр ужасно: бледный, глаза налились кровью и слезились. Помедлив немного, он все-таки убрал револьвер под пальто.

Кобзарь встал с пола, отряхнул розовые штаны и прокашлялся. Его лицо озарила улыбка, словно солнце летнюю поляну, затем он развел руки и громко, так, что эхо взлетело до потолка, воскликнул:

– Приветствую победителей Макабра!

«Победителей? – пронеслось в голове Тео. – Победителей?!» Грудь сжало от радости, но в то же время Тео чувствовал сомнение.

– Я от всего сер... ну, вы поняли, поздравляю вас с победой! Неслыханное дело – сразу ШЕСТЬ победителей в этом столетии! Да, Смерть – щедрая госпожа. Вы храбро проявили себя в испытаниях, действовали на пределе возможностей, рисковали жизнью... Это было на редкость увлекательное зрелище! Госпожа в восторге! Явно лучше, чем в тот год, когда все участники кроме Паганини перемерли в первом же туре... – Кобзарь наморщил нос. – Честное слово, будто не могли подождать до финала! Как сказала Госпожа: «Скука смертная!»

Кобзарь хихикнул в ладонь, тряхнул роскошной шляпой, и по залу разлетелся мелодичный перезвон.

– Боже, я буду так скучать по вам... Наблюдать за игрой было весьма увлекательно. Словно я сам стал игроком. – Кобзарь выхватил кружевной платок и приложил сначала к одному глазу, затем к другому. – Но я должен сказать это. Не хочу, но должен! Итак, уважаемые игроки, спешу объявить...

И Кобзарь подкинул шляпу.

– МАКАБР ЗАКОНЧИЛСЯ!

Тео ошарашенно уставился на музыканта, затем перевел взгляд на игроков. На их лицах сияла радость, в глазах – блеск, предвкушение. Неужели последний тур прошел двадцатого марта? И он НАПРОЧЬ забыл, как выиграл Макабр? «Черт возьми, это что, правда? Я – победитель? Какая-то ошибка. Я ведь не нашел ключ... или нашел? Нет, я все-таки открыл дверь, если я здесь!»

– Настало время награды. Вы – победители Макабра и можете взять из волшебного мира Смерти все, что просит ваша душа. Или голова. Или желудок. Эликсир бессмертия, всепобеждающий меч, сеть-невидимку. Самый-огромный-в-мире-блинчик. Искусственный золотой нос. В мире Смерти есть все. Госпожа дает разрешение взять ЛЮБОЙ предмет. Итак, за мной!

Глашатай вновь ударил по струнам кобзы, и Тео догадался, что теперь звучал гимн победителям. От радостной и торжественной мелодии он ощутил такой прилив жара, словно бегом взбирался на гору и сейчас стоял на самой ее вершине.

Он выиграл! Все закончилось. Конец смертям, испытаниям, страхам. Все будет как прежде. Он заберет выигрыш и уйдет *прямо сейчас!* Тео охватило восхитительное предчувствие. Еще чуть-чуть, и он увидит родителей. Они где-то здесь. Смерть похитила их, но он победил ее в честной игре и скоро освободит их!

Тем временем Кобзарь повел игроков за собой.

Тронный зал был круглый и огромный. Черный пол и потолок казались бесконечными и глубокими, словно игроки стояли посреди распахнутого ночного неба, в котором ярко сияли звезды-лампадки. Тео даже покачнулся: на миг ему показалось, что он падает вниз, в полночь. В полу отражался потолок. В потолке – пол. Казалось, этот вертикальный зеркальный коридор – сама Вселенная. Без конца и без края.

В стенах зала виднелось бесчисленное количество одинаковых дверей. Тео оглянулся: та, из которой они вышли, захлопнулась. Теперь найти ее среди сотен других было невозможно. Кобзарь, словно опомнившись, бросился обратно, выхватил мелок и нарисовал на двери крестик.

– Это чтобы вы нашли ее, когда вернетесь! А теперь нам туда.

Кобзарь прошествовал мимо нескольких дверей, распахнул одну и замер.

– Ой, кажется, не та...

Он поводит пальцем по воздуху.

– Три на четыре, потом пять, перескочить через десятую, вернуться... Что следом? Снова забыл...

Он повел их к другой, но та тоже оказалась неверной. Теодор перепугался не на шутку. Кобзарь ойкнул.

– Секундочку! – Глашатай вытащил из рукава пергамент, развернул его и вчитался: – Ага, вспомнил!

Он уверенно кивнул, пряча лист с подсказкой обратно, и радостно заиграл на кобзе. Мелодия победы смела сомнения, и игроки – даже мрачный Александру Вангели – выпрямили спины и шли выпятив грудь. Когда они оказались возле нужной двери, музыка умолкла. Кобзарь повернулся к ним и, сведя руки за спиной и таинственно улыбаясь, наклонил голову.

– Дорогие игроки! Сейчас вы увидите то, чего не видел ни один смертный – ну, кроме победителей Макабра конечно же. Там, за дверью, нечто великое, что можно увидеть лишь раз в жизни, и только победителям Макабра. Могу поспорить на волшебную кобзу, ТАКОГО вы не узрите нигде на целом свете – ни в садах Тюильри, ни в Тадж-Махале. Итак, дамы и господа. Добро пожаловать! В Золотой!

Замок!

Смерти!

Кобзарь распахнул дверь, и все до единого игроки ослепли.

В черный зал хлынул столь яркий поток света, что Тео поспешно закрыл глаза ладонями. Но сияние било даже сквозь сомкнутые пальцы, и сколько он ни пытался открыть глаза – не мог. Лишь спустя пару минут, когда глаза немного привыкли, Тео смог отвести руки от лица.

И потерял дар речи.

Кобзарь не солгал. Даже в самых диких фантазиях Тео не придумал бы такое! Ввысь уходили золотые стены огромного зала, в золотые стрельчатые окна которого лился яркий свет.

Насколько хватало глаз, к самому куполу (или к самому небу?) устремлялись золотые башни и настоящие горы вещей, столь высокие, что, если кто-либо забрался бы наверх и сорвался, пока он оттуда падал, Кобзарь сумел бы пересчитать все зеленые листочки на голубой подкладке своей куртки.

Предметы громоздились один на другом, а другой – на третьем, а третий – на сотом, сотый – на пятисотом, и этих башен и гор высилось несметное количество, даже дальних стен зала не было видно.

Каждый предмет был великолепен. Тео поднял пару из них: это оказались подсвечник и дверная ручка. И на обоих он обнаружил добрую сотню мудреных завитушек, миниатюрных лис, филинов, солнц, шляп и глаз!

Золотые лучи, бьющие в стрельчатые окна, играли на всех этих изделиях из чистого золота, серебра и меди, звенели и множились, прыгая зайчиками по мириадам предметов, полыхавших золотым светом до боли в глазах.

– Нравится? – спросил Кобзарь. – Знаю, знаю! Скромно, но вообще-то я забыл, где парадный вход, – так что это черный, и тут до невозможности просто.

– Просто? – переспросила Шныряла, глядя на подножие горы, которая вырастала из огромного золотого бассейна, наполненного золотыми монетами.

Поверх монет громоздился слой сверкающих ночных горшков, засыпанных серебряными яблоками, а поверх яблок сидели жуки-броши из драгоценных камней и лежали разноцветные бархатные подушечки с золотыми шпильками, булавками, сережками, запонками...

Далее шли засохшие торты, причем каждый венчала вишенка разной степени свежести, а поверх тортов были навалены блестящие гвозди всех размеров, какие только можно обнаружить в мастерской ювелира. Предметы, лежавшие выше, уже невозможно было рассмотреть.

Тео не мог произнести ни звука. Он не мог выдохнуть. Не мог моргнуть. Судя по виду остальных, они тоже едва выдерживали эту столь сюрреалистичную, бесконечную и невероятную картину.

Великий Кобзарь смущенно извинился:

– Простите, я забыл прибраться перед вашим приходом... Какой плохой хозяин!

Он деликатно поднял валяющийся у ног ночной горшок и, вальсируя, пристроил его к завалу из сияющих собратьев.

– Что... это... черт... возьми? – выговорила наконец Шныряла.

– Простите, простите! – покраснел Кобзарь, поспешно поднял второй горшок и с грохотом закинул на кучу. – Как мне стыдно за беспорядок! Не уходите. Прошу, останьтесь, я все уберу, честно-честно... Подождите только... мм, секундочку... Минуточку... Ну хотя бы сто лет!

Кобзарь кинулся подбирать золотые зубные щетки, горшки, мартышек, свиные пятачки...

– Так или иначе, – проговорил он, запыхавшись, – проходите, дорогие гости... Чувствуйте себя как дома. Я рад приветствовать вас в Золотом Замке Смерти!

Игроки, спотыкаясь, прошли в зал, озираясь по сторонам. Даже Вангели забыл про вражду, а рот Санды и вовсе был открыт так, что в него могла влезть какая-нибудь золотая ворона.

Тео остановился у подножия невысокой башенки, которая состояла из странных механизмов, похожих на крошечные карусели. Они свистели, крутились, мелькали – и у него закружилась голова. Тео подумал, что ему хочется прилечь.

Кобзарь вытащил из кармана свиток и радостно затараторил:

– Итак, дорогие победители, вот ваш договор! Мм, «участнику запрещается убивать»... «его жизнь переходит в полное владение Смерти»... Ага, вот оно! «Пункт седьмой. Участник осведомлен, что он сможет унести с собой один предмет или увести одного человека, будь он живой или мертвый, если таковой находится во владениях Смерти». Что ж, настал ваш звездный час! Теперь вы можете взять что хотите и быть свободны.

– В смысле? – Шныряла уставилась на Глашатая. – Взять? Из этого?

Она обвела рукой зал.

Кобзарь захлопал глазами.

– Конечно. В Золотом Замке Смерти есть все.

– И фиолетовые кролики с бычьими рогами?

– Да.

– И видимый невидимка?

– Да.

Шныряла отшатнулась в ужасе, осознавая нелепость ситуации.

– И даже белые негры, отплясывающие чечетку, держа в руках по слону, завернутые в гигантский блинчик, политый смолой и украшенный козявками из носа?

Тут пришла очередь Кобзаря отшатнуться.

– Право, ну и вкус! Но... да!

– Черт возьми, – выдохнула Шныряла.

– Вам же было сказано: вы сможете исполнить **АБСОЛЮТНО ЛЮБОЕ ЖЕЛАНИЕ**. Единственное место на свете, где можно найти **ВСЕ**, – это Золотой Замок. Так что выбирайте – и можете возвращаться обратно, – пояснил Кобзарь.

– Что значит «выбирайте»? – вспыхнула Шныряла. – Мне вот не нужна эта засушенная слонячья нога, пусть даже и с золотыми браслетами!

– Ну, – Кобзарь пожал плечами и обвел рукой сияющее бескрайнее пространство. – Тогда ищите то, что вам нужно.

– Ищите?!

– Разумеется.

Игроки недоуменно уставились на Кобзаря, а он – на них.

– Но я думала... – послышался дрожащий голос Санды. – Разве нам не должны дать выигрыш?

– Милая, – обратился к ней Кобзарь, – никто не знает, *зачем* вы пришли в Макабр и *что* хотели взять.

– Я хотела найти...

– Стоп-стоп. – Глашатай поднял руки. – Давайте-ка достанем договор.

Когда Санда вытащила свой экземпляр договора, Кобзарь ткнул в него пальцем:

– Читайте вслух, дорогая. Ведь мы заключали договор, *чтобы не было недопониманий*.

– «В качестве выигрыша Участник получает при...» – Санда запнулась и уставилась в договор.

– Ну-ну, дальше.

– «При... приглашение в мир Смерти и возможность исполнить свое желание».

– *Приглашение*, – проворковал Кобзарь, – и *возможность*. А теперь переверните.

Санда послушалась.

– Подпись игрока.

– А над ней видите пустую графу? В нее вы впишете приз, когда его обнаружите. Но никто не знает, что за выигрыш вы хотите. Быть может, вы пришли за одним, а уйдете с другим? Кто знает! Смерть не желает навязывать вам приз.

Шныряла шагнула к Глашатаю.

– Это шутка, разноглазый? Я что, зря рисковала хвостом, когда эта полоумная стреляла в меня из-за кости? Зря поджаривалась в пламени Волчицы? Зря лезла в подземелье, кишашее змеями? Немедленно отдавай выигрыш!

– Э-э-э, ну, простите, я совсем не помню, где что лежит...

– Тогда зови хозяйку, пусть она покажет!

– Это противоречит правилам. Вы получили приглашение в Замок Смерти? Да. А возможность исполнить желание? Да.

– Ты хочешь сказать, в этой грудe дичайшего мусора, в этих завалах, которые не расчищали со времен динозавров...

– Скорее даже, со времен архозавров.

– ...среди дурацких золотых попугаев, серебряных удавок и алмазных трубок мы должны САМИ найти то, что хотим?! – взревела Дика. Казалось, ее сейчас хватит удар. – Ты издеваешься?!

– Нет, – ответил Кобзарь, не понимая, что ее может не устраивать. – Ведь все так просто. Вошел – нашел – вышел.

– Я тебе сейчас сердце через глотку выдеру! – рыкнула Дика, но ее обещание потонуло в хриплом крике сотен золотых уток.

– К счастью, – холодно ответил Кобзарь, – это невозможно. У меня его нет.

«Что за черт? – подумал Тео. – Это что, шутка? Нам ведь обещали приз в случае выигрыша!» Он еще не оправился от шока, узнав, что стал победителем, как испытал второй.

Игроки растерянно переглядывались.

Вангели, державшийся за висок, казалось, вот-вот упадет. Алхимик сжался рядом, выпучив глаза, его челюсть тряслась. Санда не шевелилась, безмолвно уставившись в договор. В ее глазах стояло изумление и неверие. Единственный, кто выглядел спокойным, – это Маска. Тео заметил за спиной таинственного игрока сумку, набитую чем-то тяжелым. Одет он был по-походному. Кажется, Маска подготовился к той комедии, которую разыгрывал Глашатай Смерти.

Тео протер лоб. «Какая-то ошибка... не может быть так! Просто... впустую!»

Шныряла орала на Кобзаря, брызжа слюной, но Глашатай был невозмутим. Когда девушка выдохлась, музыкант достал платок, вытер скулу и холодно улыбнулся.

– Вам бы я посоветовал сыскать эликсир воспитанности. Обычным людям рекомендуется три капли, но не стоит мелочиться: пейте до дна.

Шныряла побагровела.

– Впрочем, вы вольны выбирать что хотите... Не беспокойтесь, вас не торопят. Можете искать сколько угодно. Здесь нет времени – тот, кто находится в пределах замка, не стареет.

– В смысле я могу провести в поисках целый год? – тихо проговорила Санда.

– Ну да. Год. Два. Десять. Тысячу лет. Сколько пожелаете, милая.

Шныряла схватила за сердце и осела прямехонько в ночной горшок, украшенный многочисленными золотыми сердечками, расписанными на всех языках мира фразой «я тебя люблю».

– Это безумие.

– Быть безумным – плохо? – удивился Кобзарь. – Ни разу не слышал.

– Значит, здесь нет психиатрических больниц, – буркнула Шныряла.

– Есть. В соседнем крыле. Проводить?

И тут Теодор понял.

Радость, раздуваясь было как воздушный шар, лопнула. Осталась пустота. «Уловка. Макабр – уловка. Год, сотня, тысяча? Ложь. Она не отпустит нас никогда». Он ощутил себя дураком. Они СЛИШКОМ нацелились на выигрыш, СЛИШКОМ жаждали приза и РАЗМЕЧТАЛИСЬ – и потому ни один не уловил в договоре подвох. Смерть воспользовалась их жадой, которая ослепила каждого. Вот он, например, только и думал, как спасти родителей, причем обоих, в обход правил договора.

Оглянувшись, Тео между башнями и горами увидел проход в анфиладу таких же залов. Набитых безделушками. С сотнями дверей. Даже не зная размеров замка, Тео чувствовал: он бесконечен, и Смерть явно не развесила указатели «Лазар и Мария Ливиану находятся там».

Тео бессильно осел на пол.

Это ловушка. Хотя они выиграли Макабр, честным образом выдержав испытания, победителем стала Смерть. Как и всегда.

Потому что она не прекращала играть.

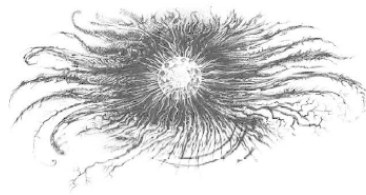
Люди ринулись на сыр, не увидев решеток мышеловки. Капкан захлопнулся. Они в руках Смерти.

То, что победителей много, – случайность? Чепуха. Это подстроено. Смерть так хотела. Представление продолжается. Кстати, где же она? Тео огляделся: Смерть наверняка где-то здесь, наслаждается их растерянностью. Тем, как обставила их условиями договора – и претензий они предъявить не могли. Нужно было внимательнее читать правила! «Идиот, – подумал Тео. – Придурок... И все остальные тоже».

Игроки выиграли Макабр, но после их победы Смерть сделала еще один ход.

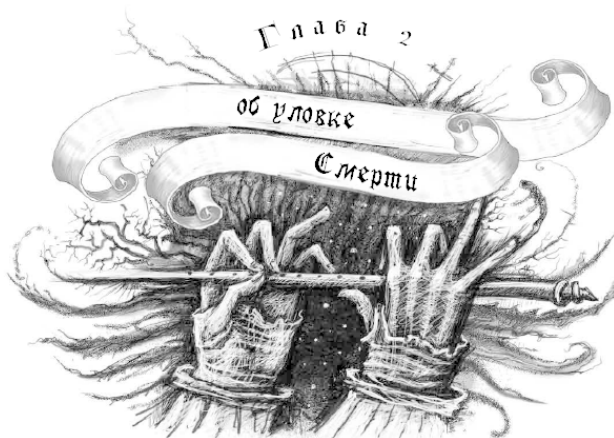
Потому что Макабр не закончился на финальном туре.

От этой мысли волосы на голове Тео зашевелились. «Макабр продолжается», – последнее, что он хотел услышать.

Глава 2

Об уловке Смерти

Тео сидел на полу, прислонившись к горе безделиц. Игроки спорили с Кобзарем: Шныря и Маска подступили к нему слева, мэр и Алхимик – справа, а Санда ныла посередине.

Тео слушал вполуха. Бесполезно. Он единственный это понимал? Видимо, да.

Он обвел зал пустым взглядом. Никогда прежде не бывал в таком месте. Сапоги отражались в зеркально-гладком полу наряду с тысячами тысяч замысловатых вещей. И все же Тео казалось: он сидит не посреди великолепного и сумасшедшего Золотого зала, а в душной темной комнате.

В окружающих красотах было что-то неправильное. И Тео беспокоил запах крови. От свитера несло ржавчиной и солью. На пальцах виднелись бурые мазки высохшей крови.

Тео сглотнул, закрыл глаза. И увидел маму. Ее голубые глаза смотрели сквозь очки тепло и ласково. Невысокая, всегда готовая быть услужливой, но никогда не поддающаяся его вспышкам упрямства. Это смягчало. Потому что злиться *на нее* Тео не мог. Он с легкостью поднял бы руку на любого, а ее не мог даже обнять. Он не касался матери, не говорил теплых слов. Словно был не ее сын. Мама обняла его на прощанье так неловко и робко, и это было единственное объятие, которое он запомнил. За всю жизнь. Он не расставался с родителями надолго, а теперь они исчезли из жизни.

Совсем.

На-сов-сем.

В солнечном сплетении заныло так тоскливо и противно.

«Не надо».

В памяти возникло второе лицо – покрытое морщинами, суровое. В отце была сила, в которую он свято верил. Упрямая – именно это злило Тео. То, что эту силу Тео не мог переломить своей, сколько б ни прикладывал отца яростью. Чем больше он давил гневом, тем больше Лазар упрямялся в своей доброте, которую сам он считал силой, а Тео – слабостью.

Тео открыл глаза и уставился на далекий купол. В стрельчатых окнах было темно: оказывается, здесь уже настала ночь. Мягкие лунные лучи заставляли груды сокровищ гореть таинственным светом.

Тео знал: он может вернуться. Вернуться назад.

На миг в животе что-то трепыхнулось, словно противная муха: «Уходи. Скорей. Ты свободен». Тео представил, как берет один из золотых предметов и покидает дворец. Ему захотелось этого до сладости на языке, и Тео содрогнулся. *Он хотел уйти. С добычей. Легкой,*

простой. Даже взяв ночной горшок из золотой кучи, он больше не будет бездомным... Купит одежду, дом. Может, слуг?

Вернуться.

Одному.

Его замутило от отвращения.

«И что дальше?» – сказал он себе.

Ответа не было. «Дальше» не существовало. Дом со слугами никогда не станет его. Чей угодно, но не его. Он забрался в самое пекло с другой целью. «Разве ты их не любишь?» – сказал ему Кобзарь.

Любит или нет, Тео не знал. Просто Макабр стал целью его жизни – жалкой и короткой, но жизни. Единственного, чего он не лишился.

«Пока еще, – напомнил себе Тео. – Пока еще».

Он так много рисковал последнее время, что перестал бояться умереть. И хотя виделся со Смертью, она его не страшила. Это действительно так. Тео не боялся смерти. Тогда чего же? Он опустил глаза на свитер, жесткий от крови, и ответ пришел сам по себе.

Его не страшила смерть. *Своя... но не других.*

Он поднялся и шатко побрел в никуда. Через несколько секунд он понял, что «никуда» оказалось Кобзарем.

– Ну вот ты, Тео, – обратился к нему Глашатай, – ты ведь понял суть договора?

Тео в непонимании уставился на Кобзаря и заметил, что все смотрят только на него. Даже стоявший поодаль Вангели скосил глаза. Тео столкнулся взглядом с мэром – и между ними всколыхнулась тьма. Лицо мужчины побледнело, а белки налились кровью. Вангели скривился и поднес руку к виску – слишком быстро.

Тео вспомнил: Шныряла рассказывала, что у мэра случаются приступы мигрени.

– Тео?

– Это неважно.

Кобзарь поднял бровь и промолчал.

– Сколько в этом зале дверей? – спросил Тео.

– Триста.

– Сколько залов в каждом крыле замка?

– Тысяча.

– Сколько в замке крыльев?

– А это, – музыкант повел плечом, – знает одна лишь Смерть.

– Это невозможно, – выдохнула Санда. – Мы здесь никогда ничего не найдем...

Некоторое время царила тишина, а потом послышалось еле слышное щебетание.

Тео завертел головой, силясь определить источник звука, и заметил птицу, сидящую у двери на постаменте. Цветы у лапок, ветку и саму птицу покрывало сусальное золото. Клюв раскрывался, и оттуда вылетал мелодичный звон.

– Что это?

– Сказительница. Каждую полночь она поет песню о мире Смерти, некогда сочиненную старым мастером, ее создателем. Он сконструировал Сказительницу давно, еще когда Смерть держала его в Ищи-не-...

Кобзарь осекся. Тео перевел взгляд на Глашатая, но тот сделал вид, что ничего не произошло. Он поднял глаза к потолку и нервно застучал по подбородку, что-то мыча. «Ищи-не... Что?» – удивился Тео и вдруг понял, что металлический звон сложился в слова:

...А о Черном, втором, вовсе не говорят —
Из него только Смерть и вернется.

И никто во всем мире в тот замок не вхож,
Там живых никогда не бывает,
Целый век ты ищи – но его не найдешь,
Только тень его дверь опирает,

Дверь в Ищи-не-на...

И тут в одном из карманов Кобзаря оглушительно зазвенело. Смешно засуетившись, Глашатай вытащил огромный истошно дребезжащий будильник и нажал на кнопку, но тот продолжал трястись.

– Снова! Сломалась! – перекрикивая будильник, заорал Кобзарь: – Госпожа! Вызывает! Немедленно! Я! Должен! Лететь! Вы! Ищите! Призы! Вернусь! Через! Минуту! Или! Год!

Вокруг музыканта закрутился вихрь, взметнув пестрые бумажки, ленты и блески. Улыбаясь во весь рот, Кобзарь помахал остолебевшим игрокам будильником, взлетел в воздух и исчез.

На какие-то секунды воцарилась тишина, а потом началось.

Завопила Шныряла, Маска гаркнул: «Стой!», оглушительно грянул выстрел, и пол зазвенел.

Тео вздрогнул, быстро присел и повернул голову. Дика лежала на полу и тупо таращилась на черную дыру в шаге от себя. От дыры шел дымок, а вокруг сверкали мелкие осколки. В ноздри Тео ударил резкий запах пороха. Злющие глаза Шнырялы буквально прожгли стоящего рядом Маску, который только что ее оттолкнул.

Он держал в руке револьвер.

Александр Вангели посмотрел на Шнырялу, стиснув зубы, потом чуть двинул кистью, переведя дуло пистолета на Маску.

– Вот как? – обронил он холодно.

Повисло безмолвие. Никто не шевельнулся. Гнетущая тишина заскользила вдоль позвоночника Тео мерзким сквозняком, и он, поежившись, потянулся рукой к поясу, но пальцы схватили пустоту.

– Что это значит? – продолжил мэр.

Игрок в маске ответил долгим спокойным взглядом. Наконец медленно поднял свободную руку и снял черную ткань с лица.

На плечи упали темные волосы. Звякнула пара косиц с вплетенными в них кольцами. Но главное – глаза. Едва Тео увидел ярко-зеленую радужку, он сразу узнал их обладателя.

– Охотник?

Парень метнул взгляд на недоумевающего Тео и снова уставился на мэра. Дика, путаясь в юбках, поднялась на ноги и вытащила нож.

– Стоять! – раздался скрипучий голос Алхимика. У старика тоже оказался револьвер, и сейчас он был нацелен на Дику.

– Нас больше, – невозмутимо заметил Охотник.

Он скосил глаза в сторону – и Тео понял, что обращаются к нему. Он снова потянулся к поясу и тут же вспомнил, что безоружен. «Черт!» Он дернулся было к голенищу, но Алхимик уже наставил оружие на Тео.

– Ай-яй-яй.

Тео затрясло от злости. Ему отчаянно захотелось почувствовать в руке тяжесть ножа, метнуть его, услышать свист, увидеть, как лезвие вонзается в горло мэра – или в его холодное, пугающее лицо, на котором не читалась ни одна эмоция. Вангели обвел противников острым взглядом, и Тео содрогнулся. Мэр один пугал их всех – всех четверых...

Санда тоже боялась. Лук ее был опущен, но она явно чувствовала себя неуютно между двух огней, не зная, к кому примкнуть.

– Санда, – мэр успокаивающе качнул головой, – иди ближе. Эти... существа – не люди.

Санда переступила с ноги на ногу, но не двинулась с места.

– А... почему?

Вангели сделал глубокий вдох. Слова давались ему с трудом, глаза мэра покраснели – и было видно, он испытывает сильнейшую боль. Над его виском пульсировала жилка.

– Умирают лишь раз. Если что-то после смерти не мертво – оно нарушает Закон Божий. То, что тела еще ходят, ошибка. Дьявол похищает мертвецов и заставляет несчастных бродить по земле. Не с Божьими целями. Со своими. Любой мертвец опасен... даже если с виду это не так. Даже если это... ребенок.

Тут мэр перевел взгляд на Тео, и тому стало не по себе. «Я, черт возьми, НЕ нежитель! У меня нет тени, но я вижу сны, я живой!»

– Все, что можно для них сделать, – освободить.

– То есть убить? – В голосе Санды прозвучал ужас.

– Да, – решительно кивнул мэр. – Убить.

Из его уст это звучало иначе. Неумолимо. Тео вновь ощутил, как внутри его прокатилась волна дикого страха. Ему показалось, если бы Вангели стоял с голыми руками – он бы и так держал всех на месте одним взглядом.

– Дьявол – это выдумка, – усмехнулся Маска.

– Для тех, кто его не видел.

– Не все нежителю нелюдимцы...

– А разве, – холодно заметил мэр, – не они ими становятся?

Маска открыл рот и замер. Мэр чуть поднял уголки губ, видя замешательство противника.

– Да, но...

– Я думал, ты на моей стороне. *Наше* дело...

– Я и сейчас на вашей...

«На стороне мэра? Маска? Тьфу, Охотник?» – Тео стиснул зубы. Но ведь Охотник – друг нежителей... Тогда зачем скрывался под маской? Что за «наше дело» с мэром? Тео окончательно разонравился этот разговор. Не хватало, чтобы друг нежителей переметнулся к мэру Китилы. «Черт...»

Мэр покачал головой.

– С этого момента мы враги, – объявил Вангели. – Обман. Предательство. Между нами – смерть. Не знаю, зачем ты явился на Макабр, но явно не за тем, о чем говорил... Я завершу дело – с тобой или без тебя. Ты знаешь, к чему это приведет. Чем закончится... *в том числе для тебя*. Девочка, пойдем к нам.

Санда вздрогнула. Тео подумал: «Да, нежителю не лучшая компания, но это тот случай, когда живой пугает больше, чем мертвый».

– Санда...

Девушка нервно закусила нижнюю губу. Было ясно, что взгляды со всех сторон вызывают в ней желание провалиться под землю.

– Симион Стан был лучшим полицейским города. Мне жаль, что с ним случилось такое.

Санда подняла глаза. Сжав лук, она качнулась в сторону Вангели. Мэр скользнул взглядом по ее ногам.

– Макабр – ошибка. Живым среди мертвых не место. Как и мертвым среди живых... – Он перевел взгляд на Тео.

Теодор ощутил беспомощность. Мэр смотрел ему в глаза. До тех пор, пока Тео не выдержал взгляда и не зажмурился. Вангели повернулся к Санде:

– Ты сказала, что откажешься. После нашего разговора.

Санда покраснела.

– Но ты здесь.

– Я... передумала.

– А я – нет.

Звучало как угроза. Теодор пытался сложить пазл. О чем это мэр с ней говорил?

– Ты идешь домой, – произнес мэр. Настолько тихо и холодно, что всеобщее молчание показалось еще более тягостным. – Живой девочке делать в этом месте нечего.

Санда судорожно закусил губу. «Вали к Вангели, – зло подумал Тео. – Чего думать?»

Санда метнула взгляд на Тео. Вид у нее был растерянный, щеки пылали. И сделала шаг к Вангели.

Мэр шагнул ей навстречу.

Однако внезапно, взвизгнув, Санда прижала к груди лук, развернулась на месте как волчок и сиганула прочь. Ее каблуки застучали по полу, и через пару мгновений девчонка скрылась в проходе между башен.

– Сан... – закончить Вангели не успел: что-то свистнуло, блеснуло серебристой молнией в воздухе.

Мэр отпрянул, и лезвие лишь скользнуло по его рукаву, распорол ткань, а из дыры брызнула кровь.

Недолго думая Алхимик выстрелил. Охотник выстрелил в ответ. Второй раз, третий. По залу замечались свист и тревожный звон. Игроки бросились кто куда, попутно отстреливаясь и метая ножи. Тео дернулся в сторону, споткнулся, пуля просвистела над ухом, и по лбу словно огненным хлыстом огрело. Тео вскрикнул и схватился за голову. Вангели же метнулся к ближайшей горе.

Золотые вещи, в которые попадали пули, разлетались во все стороны, задевая другие предметы, а те валились на третьи. Пуговицы, гвозди подлетали в воздух, сыпались на пол, и, казалось, весь замок дрожал от топота и яростных криков. Мир стал вязким, как кисель, – и Тео, слабо соображая от боли и испуга, сделал еще один рывок и перекатился к ряду бочонков, за которыми вырастала очередная башня.

Прислонившись спиной к ее основанию, Тео сунул руку в голенище – ножа не было. Он в спешке ощупал плащ. Пусто. «Куда подевались все ножи, черт возьми?» С брови капала кровь и катилась по щеке, срываясь с подбородка темными каплями. Тео дотронулся до жгучей раны и глухо зарычал. Сердце гулко ухнуло по ребрам, когда Тео понял – дернись он на секунду позже, сейчас содержимое его черепа представляло бы собой кашу с осколками розоватых костей, размазанную по полу. Тео затрясся всем телом, мысли путались, и мозг пытался отключиться. Тео мысленно дал себе пощечину: «Жив, жив ты! Выкинь страх из головы. Возьми себя в руки, идиот!»

В зале все еще слышались выстрелы. До Тео донесся яростный вопль Шнырялы, переходящий в рык. Что-то верещал Алхимик, но слова перекрывал звон. Весь зал грохотал, дребезжал, звенел, дзинькал, как шляпа Кобзаря, – если бы та стала размером с город.

Пол содрогался. Тео съежился, чувствуя, как по кучам сложенных вещей проносятся ропот, дрожь и гул. Он поднял голову к куполу и похолодел – верхушка башни, рядом с которой он укрылся, накренилась к нему пьяным шутком, трясся макушкой с тысячами тысяч бубенцов.

Снова раздались выстрелы. Вещи посыпались быстрее, башни угрожающе качались и кренились – весь зал заходил ходуном. Тео понял, что сейчас будет, и, сложив руки рупором, заорал во все легкие:

– ПРЕКРАТИТЕ СТРЕЛЯТЬ! ВСЁ РУХ...

Башня накренилась сильнее – поток блесков, ключей, бусинок и шаров усилился – и медленно начала падать на Тео. Он бросился вперед, не разбирая дороги, а на него сыпались раз-

ные предметы, ударяя по лицу и спине. Из раскрывшегося ящика красного дерева вывалились перья для письма и дротиками забарабанили по плащу. Одно больно клюнуло в шею, другое упало за шиворот. Прикрывая голову, Тео стремительно преодолел десяток метров по направлению к другой башне и остановился.

Но и эта сверкающая махина дрогнула и начала ссыпаться.

Пол вздрагивал от сотен падающих диговин. За спиной Тео, где прятался Вангели, бахнуло. Точнее, даже оглушительно рвануло. Тео поскользнулся, растянулся на полу и почувствовал, как по залу идет гулкая волна. Тео поднялся и вновь побежал вперед. Под ногами хрустели фарфоровые фигурки, стеклянные трубочки и бусины, Тео поскальзывался и, еле удерживаясь на ногах, спешил дальше. Башни вокруг кренились, задевали рядом стоящие, и вскоре по залу с грохотом и лязгом покатила золотая волна гигантского домино.

Тео отчетливо понял, что сейчас его просто погребет в этой сокровищнице.

Он увидел проход между осыпающимися горами, в конце которого виднелась дверь, и рванул туда. К нему уже клонилась другая гора; Тео запнулся, обругал себя и прыгнул в сверкающий ливень. По спине больно заколотили разнокалиберные предметы, но ему все же удалось выскочить за дверь и, развернувшись, захлопнуть ее за собой.

С той стороны звенело, бухало и гремело, словно обвешанный игрушками монстр грохотал кулаками по двери, требуя впустить его. Дверь содрогалась от ударов, из щели возле самого пола выкатывались бусинки, запонки, жемчужины, драгоценные камни и хрустальные глаза. Тео, прислонившись спиной, чтобы створки не распахнулись, поднял с пола метлу и вставил древко между ручек.

Дверь гудела и дрожала.

Теодор отступил на несколько шагов и, внезапно ослабев, сел на пол. Воздуха не хватало, легкие жгло, он с трудом соображал, что делает. Этот зал тоже вздрагивал, и Тео в страхе покосился на золотые башни, но те высились невозмутимо и даже не вздрагивали. Он в безопасности. Тео затрясло от пережитого шока, ноги онемели. Ощувив внезапный укол боли, он взглянул на руку и увидел, что в ладони, в бугорке между большим и указательным пальцем, торчит обломок пера. Морщась, Тео выдернул его. За воротом царапало, и Тео нащупал еще пару вонзившихся в него перьев. Охая, он выдернул и их.

Обнаженные места на теле кровоточили от порезов, спина болела от ударов, словно по ней прошли колотушкой. Висок ломило – видимо, что-то тяжелое свалилось и на голову, пока Тео удирал.

Отец учил: если на тебя нападают, ты можешь защититься чем угодно. «Даже ложкой – если знать, что делать». Сейчас Тео почувствовал всю правдивость этой фразы. Его измолотил ливень из пишущих перьев. «Отлично, раз нет ножа, пойду на Вангели с пером. Кстати о Вангели...»

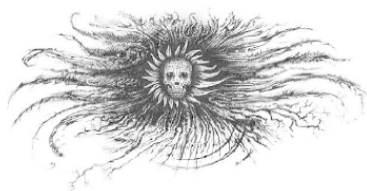
Тео с трудом встал и заковылял к двери. По ту сторону еще раздавался звон, дребезг и грохот, но уже реже и тише. Тео вспомнил, как бахнуло там, где прятался Вангели, и внутри его потеплело от радости, словно он глотнул вина. «Сдох, – злорадно подумал Тео. – Сдох, урод... Если не разорвало, то завалило. Жаль, на твоей могиле так и не напишут: «Мэр Китилы, задавлен лавиной ночных горшков». Тео хмыкнул и тут же нахмурился: «Интересно, а остальные...» Он приложил ухо к двери и вслушался. Тишина. Тео судорожно сглотнул. Он теперь один во всем замке?

И вдруг Тео понял – в пустынном месте, где сотни лет не ступала нога человека, быть одному... страшновато. Это не Трансильвания, где он мог бы спрятаться где угодно, потому что знал ее леса, реки и горы. Замок – западня, вражеская территория. Тео огляделся. Никого. Лишь золотые стены, золотые башни и золотые горы. Внутри зашевелился неприятный червячок сомнения. Тео казалось, что за ним кто-то наблюдает.

Но это точно не другой игрок. Тео бы услышал. Понял. Это кто-то... иной. Тео смотрел в пустоту между башен до тех пор, пока ему не почудилось: *пустота смотрит в ответ*. Тео передернулся, зажмурился и стал ждать, пока неизвестный объявит о себе. Чувствовал, как мурашки бегают по коже, – но когда открыл глаза, проход по-прежнему был пуст. Ощущение, что за ним наблюдают, осталось. «Может... это она?»

Тео был безоружен. Один. Он всегда обходился без компаньонов. Даже отец мешал. Тео всегда хотел быть сам по себе. Но сейчас, в таинственном замке оказаться один на один со Смертью... он очень не хотел.

Тео вновь приложил ухо к двери, слушая звенящую тишину. Вскоре его веки отяжелели и закрылись, голова свесилась на грудь, и он вырубился как был – сидя на полу.

Глава 3 О тайнах Золотого Замка

На полу хрустнули, затем скрипнули бусины.

Тео понял, что уже не спит, а сидит с закрытыми глазами. Он решил не двигаться и прислушался. Тишина. Но вот снова – едва заметный треск бусинок. Тео думал, что разлепит веки и увидит рассвет. Должно быть, звезды побледнели в лучах восходящего солнца. Он ужасно захотел увидеть восход, открыл глаза... и разочарованно выдохнул.

Окна заполняла тьма черней, чем прежде. Луна склонилась ниже, бледные лучи едва освещали пустынный зал, который мерцал и серебрился в печальном свете. Горы диковин показались Тео еще выше, и он поежился от осознания собственного ничтожества.

Тео слышал чужое присутствие. Из-за башни с возвышавшейся рядом скульптурой единорога выкатилась одинокая крупная бусина. Тео попытался встать, однако в голове будто колокола зазвонили. В эту ночь он умудрился приложиться об пол, получить по затылку коробкой и чуть не словил пулю. Не то чтобы Тео жаловался, но для одной ночи явно многовато.

«В этом месяце меня жарили на костре, душили, запугивали змеями, носили по ветру, топили в омуте, ловили сеткой... Черт возьми, можно сказать, что Макабр удался!»

Тео осмотрелся, тихо встал и взял валявшуюся неподалеку вторую метлу. «Если что, всю рожу разукрашу!» Осторожно ступая по плиткам между безделушками, Тео подкрался к башне, из-за которой выкатилась бусина. Есть кто или показалось?

Поколебавшись, Тео высунулся из-за единорога, увидел чью-то тень, попятился и наступил на фарфоровую лягушку. Та квакнула, Тео подпрыгнул, выставив метлу перед собой, и вдруг понял, кому принадлежит тень. Ну конечно же, у кого еще может быть такая лохматая голова?

От сердца отлегло, и задышалось легко, словно он хлебнул рассветного воздуха.

– Эй, Санда!

Тео решительно завернул за единорога и остановился: ему в грудь уперлась стрела.

– Если что, у меня... веник!

Санда вытаращилась на метлу. Затем брови девушки поползли вверх, а губы сложились в усмешку.

– Я думала... – Она опустила лук. – В общем...

«Все-таки ее не истыкало перьями», – с облегчением подумал Тео и проговорил:

– А где другие?

– Другие? – Девушка оглянулась. – Не знаю. Я заблудилась, когда...

Санда запнулась и посмотрела на Тео.

– Бродила часа три. Или пять. Не знаю точно, тут время не отследишь. Все жду, когда рассветет, а ночь не кончается. А ты... что там произошло?

– Вангели стал стрелять, башни разрушились, и все бросились кто куда. Наверно, его засыпало.

– А остальных?

Тео промолчал.

– Я чьи-то голоса слышала. В той стороне. – Санда указала себе за спину. – Пошла по залу и заметила тебя у двери...

«Интересно, почему ты пряталась?» Вслух Тео решил не спрашивать. Он глянул в проход – там виднелась арка, за которой начинался следующий зал. «Хоть бы не заблудиться...»

– Это может быть Алхимик или Вангели. Или оба.

Тео поежился. В руках ничего похожего на оружие, он как улитка, которую вытащили из панциря. «Надо раздобыть хоть что-нибудь».

– У тебя есть нож?

Санда закинула лук на плечо, опустила руку к поясу. И замерла.

– Э... нет.

Тео изогнул бровь. Девушка помешкала, затем подняла руку и пригладила челку. Повисло неловкое молчание.

– Может, проверим тот зал? – делано-бодрым голосом сказала Санда. – Вдруг все-таки Маска и Шныряла?

Тео кивнул и зашагал вперед, Санда за ним.

Маска и Шныряла. Их имена странно звучали вместе, до недавних пор это было просто невозможно. Шныряла ненавидела Охотника. Тео запутался. Между игроками обнаружились связи – словно грибница, которая открывается, только если снять дерн. У Санды был разговор с Вангели. Вангели имел дело с Маской, *нежителем*. Что непонятно и даже опасно. Теперь Шныряла переменила ненависть к Охотнику на милость.

«Интересно, она знала, что Маска и есть Охотник? Должна была. Она же перекидывш – наверняка унюхала».

Тео удивился было, как это он сам не догадался по голосу. Впрочем, говорил Маска мало, да и из-за плотной ткани толком не разберешь, если человек едва знаком.

Тео показалось очень странным, что многие игроки знали друг друга. По правилам же как? Кто найдет кость, тому она и достанется. А может, Смерть отбирала игроков сама и кости просто прикрытие? Но зачем все эти сложности? Зачем ей именно эти игроки? Тео терялся в догадках. Смерть их обманула, назвав победителями. А потом, когда они вцепятся зубами в пряник, она вытянет из-за спины кнут и щелкнет над самым ухом. И... Игра начнется на другом уровне? Каком? Что от них всех требовалось?

Тео не знал.

Все игроки – те, кому нечего терять. Кому не осталось ради чего жить. Пропавшие. Может, в Макабре и не бывает победителей, и все это – просто красочное шоу, которое Смерть устраивает от вековой скуки. А может, она подводит их к чему-то... непонятному. Масштабному. Эпохальному. У Смерти не может быть по-другому.

Что же она им приготовила?

«Узнаю, если доживу до конца».

– И все-таки где они... – начала Санда и осеклась: где-то вдали раздались голоса.

Тео и Санда тревожно прислушались. Когда вновь принеслось едва различимое эхо, девушка не раздумывая рванула на голос. Тео поспешил за ней, в душе зная, что совершенно не жаждет встречи неизвестно с кем. Без оружия – нет. Ему в голову пришла идея.

– Стой!

Санда оглянулась. Тео догнал ее и кивнул на колчан.

– Стрелу.

– А?

– Дай стрелу!

Санда застыла с открытым ртом. Тео понял, что нужно было подобрать другую интонацию, может, даже улыбнуться. Но он не умел. Привык обращаться со всеми грубо и резко.

Санда положила руку на колчан.

Тео снова заметил странное выражение ее лица – как тогда при разговоре с Вангели. Казалось, девушка впала в ступор. Тео подумал, что ступор этот... странный, как у сумасшедшего.

– Ну?

«Что не так?»

Девушка часто дышала и растерянно моргала длинными ресницами. Складывалось ощущение, что она развернется и снова... удерет. «Да она же меня боится», – вдруг догадался Тео и недоуменно хмыкнул. Он ведь не был врагом. Сначала – да. Но не делал ей плохо, как другим. «Черт возьми, я тогда в Ольшанике тебе помог!» И что-то изменилось. У них был нейтралитет. А теперь Санда думала: убежать и нарушить перемирие или дать стрелу и... «Что «и»? Убью я ее, что ли?» – Тео разозлился.

– Ладно, – сказал он чуть резче, чем надо бы, – забудь.

Тео жестом приказал Санде уйти с дороги и, когда девушка отшатнулась, рванул вперед. «Вот как. – Тео скрипнул зубами. – Вот как». Внутренний голос проворчал: «А ты что хотел? Люди ищут подвох в твоих словах и поступках, даже когда ведешь себя как положено. Ты другой. Выкинь ее из головы. Выкинь».

С каждым шагом голоса звучали все четче. Тео различил слова:

– ...не видела. Надеюсь, его засыпало.

Он узнал тон, едкий как полынь.

– Чего хмуришься? – повторил девчоночий голос. – Он точно сдох! И это отлично.

– Нет.

– Что, не сдох?

– Не отлично.

Шныряла поперхнулась, в ее горле заклекотало. Тео хотел было выйти из-за угла, но тут же передумал.

– Не хочешь, чтобы Вангели коньки отбросил? Ты что, серьезно?

– Да.

Девушка зарычала.

– Ты же говорил, что за нежителей...

– ...и это так.

– Тогда какого черта...

– Дика!

– ...Что это за «наше дело»? Я слышала, о чем эта черноглазая тварь тебе втирала!

– Тогда ты слышала, что он назвал меня предателем.

– Вот-вот! Предатель!

За спиной Тео раздался тихий шорох. Обернувшись, Тео увидел Санду, которая удивленно расширила глаза и сделала брови домиком.

– ...глаз с тебя не спущу. Так и знай. Только попробуй провернуть у меня что под носом. И вообще, тебе лучше ко мне не подходить! – Шныряла возмущенно фыркнула.

Маска ответил тихо:

– Да.

– Чего – да?

– Лучше не подходить.
Недоуменное молчание.

Тео решительно вошел в зал и между двумя ближайшими башнями увидел Шнырялу и стоящего к нему спиной Маску. Заслышав шаги, Шныряла тряхнула головой и сбросила оцепенение. Тонкие губы искривились.

– О, явились не запылились, – протянула она. – А мы уж думали, какую фразу писать на твоей могилке: «Здесь покойся Тео Ливиану – храбрый малый, который не боялся ничего, кроме ножниц» или «Путник, помолись за этого грешника: он любил только свои метровые патлы».

– Полуметровые, – поправил Тео.

Шныряла хмыкнула. Маска обернулся и кивнул, лицо его было спокойно-сосредоточенным. «Он что, никогда не улыбается? – удивился Тео. – И не злится?» Станным оказался этот парень, будто вовсе не имел эмоций.

Шныряла подкинула ножик:

– Что ж, да продолжится Макабр, дамы и господа! Подведем итоги. Во-первых, у каждого из нас имеется по две медальки: «Победитель Макабра» и «Почетный лопух Трансильвании». Во-вторых, Вангели, скорее всего, сдох. В-третьих, мы застряли в гигантском замке, где среди миллиона вещей нужно найти выигрыш.

– И еще найти что пожрать, – добавил Тео.

– Хоть у тебя башка варит. Но первым делом, – Шныряла ткнула ножиком в Санду, – живячка – кыш.

– Чего-о-о?

– Того! – передразнила девушка. – Катись отсюда.

– С какой стати?

– Дика... – начал Маска.

– Я не доверяю фифам, которые сначала с тобой заодно, а потом думают срулить к Вангели, едва он пальцем поманит.

– Да я... – задохнулась Санда. – Я же не ушла!

– Ты раздумывала! Я слепая, по-твоему, а? Чего это за «разговор» у вас там был?

– Не твое дело.

– Ах, не мое? Ноги в зубы – и покатились, да пошуст...

– Дика! – холодно повысил голос Маска.

Шныряла осеклась. Маска обвел всех пристальным взглядом:

– Вангели... Вы не знаете и десятой доли того, что он скрывает. Если станем искать выигрыши поодиночке, он отыщет каждого, и тогда... Нежелателей убьет. Тебя, Санда, не тронет. Но это не значит, что живым он не сможет... навредить. Будь осторожна, Санда. И, когда найдешь выигрыш, возвращайся одна.

– Ты хочешь сказать, что надо, – Шныряла наморщила нос, – объединиться?

– Да.

– И С живячкой?

Маска кивнул.

– Тео?

Теодор неопределенно дернул плечом.

– Это единственный выход, – с нажимом произнес Маска. – Чтобы выжить. Держитесь поблизости, в одном зале. Увидите Вангели или Алхимика – дайте знать. По поводу еды... – Он снял с плеча сумку, выудил сверток с большой лепешкой, оторвал от нее три куска, бережно завернул остатки и спрятал обратно.

– А ты? – спросила Санда, принимая свою долю.

Маска завел длинные волосы за ухо, кольца звякнули в косице. Он поднял зеленые глаза.

– Нужно затянуть пояса.

Когда девушки с переругиваниями отошли, Тео задал вопрос, который сейчас был важнее хлеба, важнее всего.

– У тебя есть оружие?

– Пистолет. Но пуль мало осталось. – Маска сжал рукоять своего меча. – И еще вот...

– Дай мне нож.

Маска посмотрел Тео прямо в лицо. Они стояли близко, так что Тео стало не по себе – словно из глаз Маски глянул Вангели. Только мэр всегда смотрел как будто *сквозь* него.

– У тебя рана.

– Да. Дай мне нож.

Маска закинул сумку на плечо и выпрямился. Тео вспыхнул и вздернул подбородок – он и сам был немалого роста, но Охотник оказался выше и плечистей.

– Что случилось после того, как ты открыл свою дверь?

Вопрос нелепый. Тео растерялся.

– Лабиринт... я бежал по лабиринту.

– А куда делась твоя тень? Она же и оказалась дверью, верно?

Тео пожал плечами:

– Раньше моя тень была человеческой. Потом превратилась в дверь. А теперь исчезла. Плотник говорил, у некоторых нежителей нет теней. Но я не нежитель, это точно.

Маска задумчиво кивнул, раскрыл сумку – Тео увидел какие-то банки, что-то округлое и железное – и вынул большой нож в кожаных ножнах с узорчатым тиснением.

– Держи.

Тео показалось, что из всех подарков в его жизни этот был лучшим. Кроме отцовского флуэра, конечно. Он сам не заметил, как заулыбался, когда взглянул на светлое лезвие.

– Но для начала, – Маска осмотрел его с ног до головы, – найди воду.

После ужина – кусок лепешки с начинкой из творога и несколько глотков воды из фляжки, – который прошел в глухом молчании, игроки принялись осматривать зал. Маска зорко следил, чтобы они не разбредались.

– Рядом, – повторял он постоянно. – Держитесь рядом.

Он взял руководство на себя. Тео было без разницы, хотя по правде... он тоже парень. Младше, но сильный. Почему не он лидер? Ему не нравилось слушать указы.

Тео подумал, что «держаться рядом» для них четверых – все равно что положить порох, железные осколки и фитиль на стол и поднести свечку. «Хорошим это не кончится». Он поежился. Однако в словах Маски был смысл, иначе Тео давным-давно бы ушел.

Они бродили по залу – настолько огромному, что внутри его можно было возвести десяток храмов. Потолок поддерживали колонны, украшенные изображением звезд, месяца и комет, от золотых вещей отражался лунный свет, многочисленные кристаллы дробили лучи, и было достаточно светло.

От шагов по залу носилось эхо. Высоченные нагромождения всевозможных вещей застыли в тишине причудливыми великанами. Словно Смерть заморозила их, заставив вечно ждать победителей Макабра... Победителей, которые смогут унести лишь один предмет из миллионов.

Брелоки и бубенчики. Картины. Лютни, флуэры и кобзы. Чучела птиц. Глиняные игрушки. Гора из шарманок, стена из древних книг на странных языках. Свертки тканей, сложенные на вазы и тарелки, заполненные курительными трубками. Все вперемешку.

Они вошли во второй зал, третий, десятый. Шныряла с ругательствами брала и тут же отбрасывала вещи. Санда боязливо тыкала диковины пальцем. Маска ничего не трогал, только рассматривал. Еле передвигая ноги, Тео вяло тащился за спутниками и глазами искал... хоть что-то. Родителей здесь нет, но может... подсказка?

Они остановились у башни из масок. Вот хохочущий арлекин с гигантской шляпой и буквой «М» на лбу. Вот Санда надела черную маску с кровавыми слезами на щеках, и сбоку Тео прочел «Атог». Вот его взгляд упал на еще одну – совсем странную, белую и с тремя дырками для глаз. Тео взял ее в руки. Два отверстия, там, где у человека находятся глаза, были с рваными краями, словно их... выкололи. А третье отверстие, небольшое и с красной каймой, красовалось на лбу. С внутренней стороны маски шла надпись «Bellum».

Жуть.

Теодор отшвырнул маску, та упала, подскочила, перевернулась и уставилась на него пустыми глазницами. Тео передернулся и поспешил прочь, но через несколько шагов вновь почувствовал страшную усталость, голова налилась чугуном и загудела. Ночь практически без еды и воды, мелкие ноющие раны – состояние было неважное. Тео ужаснулся: а если они не найдут провиант? И словно в ответ на вопрос он услышал журчание.

В дальнем проходе обнаружился фонтан. Пить захотелось совсем уж нестерпимо. Тео поспешно зачерпнул ладонями воду, принялся жадно пить, но тут же поперхнулся. Холодея, почувствовал вкус крови на языке. Он всмотрелся в воду в дрожащих ладонях и понял, что она красная.

Его кровь. И чужая.

Тео сплюнул на пол и утер рот рукавом. «Черт...» Пить тут же расхотелось.

Он бросил взгляд на отражение в фонтане и отшатнулся. «Вот оно что! Вот почему они так смотрят...» Тео понял. Он и сам испугался, увидев свое лицо. Такого человека он не подпустил бы на ружейный выстрел.

Всклопоченные волосы. Запавшие глаза – раньше янтарные, теперь цвета гнилого дерева – смотрели затравленно и злобно. Лицо осунулось. Шрам зудел нестерпимо – Тео склонился над фонтаном: выжженный крест на пол-лица воспалился. Тео тронул его пальцем, и шрам занял как свежий. Изорванная грязная одежда, вся в засохшей крови. На шее красовались багровые отпечатки неизвестно чьих пальцев. Всклопоченные волосы. Тео... *пугал*. Его замутило, навалилось странное чувство – темнота и холод, который бывает, если находит туча. Золотой Замок потух, и мир на долю секунды потемнел. Тео с трудом поднял глаза. Стены стали черно-белыми, как на картинке в бульварной газете. Это было дико и страшно. Тео прошиб ледяной пот, и он хотел бы поверить, что ему все это почудилось, но, чуть повернув голову, Тео увидел свое отражение в воде, и за спиной его стояла тень.

Теодор судорожно сглотнул, выхватил нож и с разворота полоснул лезвием по воздуху. Нож вспорол пустоту.

Никого не было.

Тео заозирался. Никого и ничего, он один. «Что, черт возьми, происходит? Кто это?»

Тео закрыл глаза, потряс головой, осторожно разлепил веки – и все вновь стало таким, как было раньше: замок сиял, искрился в лунном свете. Такого с Тео еще не бывало, и от жуткого, нечеловеческого ощущения хотелось кричать. Он запахнул плащ и бросился прочь от фонтана. Его спутники обнаружились совсем рядом, у дверей в очередной зал, и Теодор метнулся к ним. С кем угодно – лишь бы не одному! Его лихорадило. Маска и Санда бросили на Тео странные взгляды, а Шныряла заметила:

– Тебя что, Вангели за задницу ущипнул?

Тео ничего не ответил, только тяжело дышал. Ему по-прежнему казалось, кто-то стоит за спиной.

За дверью в соседний зал слышалось журчание и всплески. Маска распахнул тяжелые створки, и перед игроками открылся заросший тропической зеленью Зал Фонтанов. По воздуху поплыл аромат, будто кто-то разбил лавку парфюмера – и немудрено: стены и пол густо оплели лианы, усыпанные пышными цветами. Тео, привыкший к ромашкам и лютикам, вытара-

щился на блюдцеобразные венчики всех оттенков радуги. Запах одурманивал. Глубоко вдохнув, Теодор схватился за косяк.

Путники очутились среди царства скульптур: в замысловатых позах тут и там застыли каменные и деревянные животные, двое гранитных воинов скрестили мечи, бронзовые чабаны остригали бронзовых овец, мраморные иеле плясали хору... Концы платков невесомо парили в воздухе, и казалось, каменную ткань вот-вот унесет в окно.

Со скульптур в бассейны, журча и плескаясь, стекала вода. Тео нахмурился, вспоминая. Легенда о Макабре конечно же! Там говорилось что-то о том дне, когда предок людей вошел в Дверь. Вроде бы перед ним возвышался огромный Золотой Замок, полный волшебных вещей, цветов, фруктов... Замок Смерти...

Где была его голова?! Мог бы догадаться, что Кобзарь *подсказывал*! Что еще было в той легенде? Тео застыл, пытаясь сосредоточиться. Он будто вспоминал давным-давно слышанную мелодию: что-то брезжило в сознании, что-то очень важное и щекочущее затылок. Он оглядывал зал и смутно понимал, что одного из кусочков мозаики... нет.

Но какого именно?

Фруктов и воды было вдоволь – к счастью, смерть от голода и жажды им не грозила. Осталось привести себя в порядок; Тео был далеко не в порядке. Тень... Эта жуть проявлялась, когда он оставался наедине с самим собой. Тео покосился на вяло переругивающихся игроков и почувствовал, что никак не может отойти от пережитого. Он бросил взгляд через плечо и вздрогнул: темнота между проходами словно сгустилась и смотрела на него пустыми глазницами.

«Я схожу с ума, – сказал он себе. – Схожу здесь с ума».

Пока Шныряла и Санда определяли съедобные плоды, Тео отошел к ближайшему фонтану и удостоверился, что вода была нормальной. Украдкой взглянув на девушек, он все-таки решил снять свитер, а затем и рубашку. Опустив одежду в чашу фонтана, Тео старался не глядеть на помутневшую воду, чтобы даже ненароком не увидеть глаза своего отражения. То ли от прохлады, то ли от страха волосы на теле стояли дыбом.

Развесив отжатую одежду, Тео набрал побольше воздуха, сунул голову в фонтан и принялся тереть волосы. Когда он вынырнул, то услышал залиvistый хохот.

– Рапунцель, ты б уж целиком в фонтан забирался! – гоготала Шныряла. – Спинку не потереть?

Санда смеялась, прикрыв рот ладонью. Тео откинул волосы, и мокрая масса хлопнула по спине так, что по позвонку заструились ручейки, неприятно затекая за пояс штанов. Внезапно прямо в руки прилетел какой-то сверток. Тео вопросительно взглянул на Маску, но тот только отрывисто кивнул. Тео развернул сверток и обнаружил, что это свежая рубашка. Он принялся натягивать ее на голое тело, перехватил взгляд Санды – девушка покраснела и спешно отвернулась – и почувствовал, как кровь прилила к щекам.

Еда, оружие, одежда... Сумка Маски словно собрана... для похода? «Не может быть, чтобы он знал, – подумал Тео. – Откуда?»

Вдруг раздался такой истошный вопль, что даже Маска подскочил. Шныряла с ужасом тарашилась на свое отражение в фонтане, а вместо нормальных ушей у нее торчали ослиные! Девушка выронила ярко-красное надкусанное яблоко и протяжно завывала. Маска метнул взгляд на откатившееся яблоко, потом на дерево, растущее на одной из пышных клумб, и тихо засмеялся. Шныряла умолкла и сузила глаза, но Маска поспешно подскочил к яблоне, сорвал зеленый плод и быстрым шагом подошел к девушке.

– Все хорошо, – сказал он. – Съешь это.

Шныряла была готова проглотить самого Маску, но только не яблоко.

– Хочешь превратить меня в лягушку?! Да я лучше наполовину ослом останусь! – заорала девушка, но Маска лишь чуть улыбнулся. Шныряла хмуро посмотрела на него и прорычала уже тише: – Если что, я эту дрянь тебе в глотку затолкну!

Она злобно впилась зубами в яблоко, и в следующее мгновение ее уши съежились до обычных форм и размеров. Маска тут же объяснил, что яблоня эта волшебная: с одной стороны висят красные яблоки, которые выращивают ослиные уши, а с другой – зеленые, которые возвращают прежнюю внешность.

– Откуда ты знал, что уши вообще не отвалятся?

Маска указал на табличку, приютившуюся у корней яблони.

– Будьте осторожны. – Он махнул Тео и Санде, приглашая подойти. – Золотой Замок набит не просто вещами. Он набит *волшебными* вещами. Читайте надписи!

Совет пригодился, когда решили двигаться дальше. Одежда Тео еще не высохла, но он просто скатал ее в узел, решив подождать до более длинного привала. Следующий зал оказался самым волшебным из увиденных, и там открылась главная уловка Смерти.

Зал был относительно небольшим. Сквозь цветные витражи светила луна, и Тео узнал историю Макабра. Люди в старинных длинных одеждах, в сандалиях, закрепленных веревками на щиколотках, указывают на небо, где сияет огромная комета. Затем первый тур: соревнуются за артефакт. Это не игральная кость, а плоский кругляш вроде шашки. Потом второй тур: люди по колено в воде сражаются с морским чудищем. Одни пали, пронзенные клыками, другие замахиваются на тварь копьями... И финальный витраж: распашная дверь с ручками в виде месяцев.

Тео глянул в окно: по-прежнему темно, никаких признаков рассвета.

В стенах тут и там виднелись закрытые двери, а башни и горы вещей жужжали как осиные рои – все предметы в них подрагивали, дергались и вертелись вокруг своей оси.

Санда, высмотрев в одной из башен шкатулку в виде сердца, воскликнула:

– Здесь написано по-румынски!

*«Пусть любовь лишь слово, знай —
Я мечту открою:
И узнаю тайный рай,
Спрятанный тобою». —*

Она осторожно взяла шкатулку и приоткрыла.

– Надеюсь, ослиные уши у меня не вырастут от «тайного рая»? – усмехнулась она.

Шкатулка оказалась пуста. Санда хмыкнула и хотела было положить ее назад, но вдруг из нее повалил густой белый дым. Девушка вскрикнула, бросила шкатулку и отскочила подальше. В эту же секунду из дымного облака выросла мужская фигура.

– Не уходи, прошу! – воскликнул молодой голос.

Дым чуть рассеялся, и перед игроками появился высокий красивый блондин, будто сошедший с королевского портрета. Юноша был облачен в бархатный костюм шоколадного цвета, с саблей на боку, а на его русых кудрях красовался алмазный венец.

– Вы здесь!

Красавец, не сводя глаз с Санды, приложил руку к груди и поклонился.

– О, Санда, я так долго вас ждал!

Девушка смотрела на блондина дико, и Тео показалось, она сейчас завизжит и бросится наутек. Но этого не произошло. Она словно замороженная слушала, что говорил юноша. А принц тем временем соловьем разливался, как ждал целую вечность, прежде чем встретил такую девушку – высокого ума, благородную и воспитанную.

– Вы *настоящая*, Санда, – с придыханием проговорил блондин и изящным движением протянул руку к девушке. – Настоящая. Вы понимаете, что это значит.

«Настоящая? – Тео скептически изогнул бровь. – Ну явно не искусственная. Что за бред?» Впрочем, Санда бред воспринимала явно иначе – словно зачарованная, она придвинулась к красавцу, ее глаза потеплели, а лицо смягчилось. Принц тем временем с легкой мечтательной улыбкой принялся вспоминать разные забавные случаи из ее детства, и Санда, кажется, и вовсе забыла, что здесь есть свидетели...

– А помнишь, ты однажды загадала, глядя на падающую звезду? После того... – принц состроил печальное лицо, – случая. Когда тот молодой человек из гимназии бросил вас... тебя. Отвратительный обман! Ты сказала: однажды мы встретимся. Кто знал, что твое желание сбудется? Санда... подойди ко мне...

Принц вновь протянул руку, уже более настойчиво, однако сам не двигался с места, словно прирос подошвами высоких, начищенных до зеркального блеска сапог к окутанной дымом шкатулке. «Он же выдумка, – нахмурился Тео. – Настоящая девушка? Он же сам фальшивый!»

Блондин тихо заговорил еще что-то, что слышала только Санда. На глазах девушки выступили слезы, она уже протянула принцу руку, как вдруг Маска стремительно пересек зал и пинком захлопнул шкатулку. Красивое лицо юноши страдальчески искривилось, и с громким «пуф» видение исчезло.

– «Сердечные желания», – прочел Маска, подняв шкатулку. – Этому лучше лежать где лежало.

Он небрежно сунул шкатулку в общую кучу, и только тогда Санда опомнилась:

– Он что... ненастоящий?

Шныряла расхохоталась так, что ей пришлось упереться ладонями в колени.

– Ага! – выдохнула она сквозь смех. – Настоящий! Твой персональный принц! У-ха-ха! Черт, не могу поверить, что ты такая дура-аха-ха!

Санда покраснела. Спрятав лицо за волосами, она заскочила за ближайшую кучу сокровищ, но и туда летели едкие выкрики Шнырялы:

– Эй, ты куда? Может, откроешь снова? Вдруг это чучело тебя по-по... – Шныряла зашлась в новом приступе хохота. – Поцелуууует? Ты же *настоящая*...

Шныряла еще некоторое время дурачилась и звала девушку, подражая голосу принца, но Санда не отзывалась.

Тео все это надоело, и он принялся осматриваться дальше. Один кулон – увесистый, в виде короны на цепи – привлек его внимание. На обратной стороне было написано «Рех». Подумав, Тео надел цепь и в то же мгновение почувствовал какое-то шевеление в своих волосах. Он с недоумением провел ладонью по затылку: его длинные пряди укорачивались и завивались... Теодор с ужасом взглянул на одну прядь и обнаружил, что она стала золотой. Одежда тоже ожила, привычная тяжесть плаща исчезла, рубашка поглубела, у ворота и на груди выросли удушающие рюши, а коричневые штаны приобрели розовый оттенок. Затем Тео почувствовал, что теперь его голову покрывает гигантская шляпа. А на ногах – он даже поперхнулся – как по волшебству возникли изящные туфли в блестках и с длинными носками. Под пятками выросли каблуки, Тео потерял равновесие и зашатался.

– Что это... черт... возьми, – прохрипел Теодор, пытаясь удержаться на каблуках под лютый ор Шнырялы, которая буквально уже рыдала, сложившись пополам.

По щекам девушки текли слезы, она выла:

– Ты... только посмотри... на себя... блондин... в розовом... кружавчики... А-а-а!

Санда осторожно выглянула из-за нагромождения вещей, широко раскрыла глаза и звонко расхохоталась. Маска и тот пытался скрыть улыбку.

– Ты... как... Кобзарь... или... при-и-и-инц! – стонала Шныряла. – Санда, твой принц верну-у-улся!

Девушка зарделась и снова исчезла. Тео рывком сорвал амулет, размахнулся и запустил его подальше в зал. В следующее мгновение на плечи обрушился кожаный плащ, шляпа исчезла. Тео в тревоге ощущал волосы – снова длинные черные пряди.

– Ну, теперь я видела в этой жизни все! – отдышавшись, заявила Шныряла. – Даже Тео в розовых панталончиках Кобзаря!

Следующие полчаса они блуждали по залу, рассматривая причудливые творения неизвестных мастеров и удивляясь. Кто делал эти вещи? Зачем? Сколько веков сокровищнице?

Луна скатилась ниже, свет угас, и в замке воцарился полумрак.

Тео знал, что родителей здесь нет. Но зато повсюду были двери. Если где и прячут отца и мать, то за одной из них. Выкрашенные во все цвета радуги, с надписями и без, двери открывались не все. Тео дергал и пинал, но многие оказались заперты. Вероятно, к ним нужно было подобрать особые ключи. Или слова.

Некоторые, распахиваясь, вели в странные места. Теодор потер ладони и уставился на ближайшую черную дверь. Рядом с огромной надписью «SILENTII LOCO» шло множество фраз на неизвестных языках, в которых для Тео было меньше смысла, чем в «ку-ка-ре-ку». В зале совсем потемнело. Тео оглянулся: Шныряла дирижировала музыкальной коробкой, из которой только что выпрыгнул целый хор. Санда, сидя на бортике фонтана, рассматривала хрустальный шар. Маска, с независимым видом скрестивший руки на груди, скользнул по девчонке взглядом и отвернулся.

Тео вошел в соседний зал, и дверь мягко притворилась, отрезая внешний шум. Через несколько шагов он остановился. Здесь не было звуков. Совсем, даже стука его сапог не слышно. Тео похолодел. Хлопнул в ладоши. Топнул. Вдохнул – даже шума воздуха не было. Он видел все, но не слышал ничего...

Странное чувство, ощущение страшной потери.

Тео развернулся и бросился обратно к двери. *Ручки не было*. Дверь открывалась внутрь, но *ручки не было*, и не было даже самого маленького зазора, чтобы просунуть лезвие ножа и отжать створку на себя. Он оказался заперт в жуткой тишине. Тео прошептал: «Стоп, это лишь тишина. Она не опасна».

Тео крикнул, однако гортань перехватило. Бросился на дверь с кулаками, пинал сапогами, пока не отбил пальцы на ногах, орал и орал. Но зал был глух и нем. Тысячелетняя дверь осталась запертой.

Тео охватила паника. А если его не найдут? «Нет, должны... они догадаются, что я здесь! Не дураки же, должны искать!»

«Должны? Думаешь?» – усмехнулся внутренний голос.

Они могут звать его, но он не услышит. Пройдут по залу, откроют пару-тройку дверей, а потом... По телу пробежал мороз.

Тео сел возле двери и обхватил руками колени. Тишина окутала его глухим мягким коконом, и он закрыл глаза. «Нет. Пожалуйста». Сердце отмерило лишь десять ударов, но эти секунды тишины показались кошмарной мукой. Он провел здесь минут пять и уже начинал сходить с ума. Пусть хоть какой-то звук разобьет пустоту!

Он считал биения сердца, и, когда оно сделало тысячный удар, Тео приоткрыл глаза и увидел на полу медленно расширяющийся прямоугольник света. Он вздрогнул и вдруг понял, что свет падает из открывающейся двери. Тишину зала вспороли голоса, шаги и далекая музыка.

Тео вскочил, увидел в дверном проеме Маску и тут же вылетел из жуткого зала в свет и звуки, напоролся на тревожные взгляды Шнырялы и Санды. Маска захлопнул дверь и без лишних слов постучал по надписи левой дверной ручки. Тео сощурил глаза и различил румынские

буквы: «Самая страшная смерть в мире – от тишины. Если хочешь умереть иным способом, не открывай дверь».

– Здесь, – Маска обернулся к девушкам, пока Тео пытался отдышаться, – собраны не игрушки. В замке есть все. Вы же слышали, что сказал Кобзарь? Все. Это значит... любое волшебство, которое можно вообразить. Закупоренные мечты. Хор тысячи голосов в шарманке. Смерть, упрятанная в банку. Открывая очередную дверь, ты не можешь знать, что тебя ждет: любовный фантом или... нечто, что тебя убьет.

Маска сдвинул брови на переносице и покачал темно-русой головой.

– Я не знаю, где искать то, зачем пришел, – признался он.

Тео прислонился к стене, едва не сползая по ней от усталости. Даже если Маска говорит напрямую о том, что это НЕВОЗМОЖНО, – дело дрянь.

– Должен же быть выход... – выдохнула Санда, но ее глаза говорили, что она сама не очень-то верит в это.

– Если есть вход в проблему, выход из нее тоже есть, – проронил Тео.

Все уставились на него, будто он спел «Аллилуйя». На лицах игроков читался один вопрос: «Какой?» Ноги Тео дрожали, плохо обработанные раны ныли. Он смертельно устал и мечтал наесться до отвала и рухнуть спать. Тео слабо кивнул на поблескивающий неподалеку стеклянный куб.

– Это что?

Внутри куба находилась статуя мальчика лет двенадцати. Мальчик сидел в позе лотоса, белое лицо казалось изможденным, руки сложены и вытянуты в мольбе, словно у бедняка на паперти. По стеклу шла гравировка золотыми витиеватыми буквами, и Тео содрогнулся, выцепив взглядом те самые слова. Он подошел и прочитал вслух:

– «Раб Макабра. Наказание: вечное ожидание».

Тео опустил взгляд: одна сторона куба была дверью, но ручка находилась с внешней стороны. «Как в Зале Тишины. Открывается снаружи». Рядом шла надпись: «Tantum persona vivens apertas».

Санда, Шныряла и Маска подошли ближе.

– «Persona» – это «человек». – Санда посмотрела на Тео: – Как ты сказал? Раб Макабра?

Вдруг Тео почувствовал чей-то немигающий взгляд. Он посмотрел на мальчишку и чуть не ахнул. «Кобзарь?!» Глаза – голубой и зеленый. Но он быстро понял, что ошибся.

Санда взвизгнула:

– Он... живой!

Лицо было неподвижным, но глаза умоляли. «Живой, даже слишком», – поежился Тео. Во взгляде мальчика было столько отчаяния, что Тео уколола смесь смущения и жалости.

Тео попятился.

– Он живой! – ошеломленно повторила Санда и потянулась к ручке.

Маска остановил ее, пробежал взглядом по буквам и сказал:

– Не открывайте.

– Почему?

– Мы не знаем, кто это.

– Я знаю, – фыркнула Шныряла. – Синюшный тип, которого запихнули в стеклянную коробку. Больно он нам нужен!

– Нет, – прошептала Санда. – Я... кажется, догадалась. – Она уставилась на Маску расширившимися глазами. – *Проигравший*.

Шныряла приподняла губу, обнажая желтоватые клыки:

– Чего?

Тео понял, что она имеет в виду, и по его спине побежали мурашки.

– Помните договор? – продолжила Санда. – «В случае проигрыша жизнь переходит в полное владение Смерти». И его глаза! Только посмотрите!

– Мерзкие зенки, – окрысилась Шныряла. – Чего он таращится? Гадость! А ну отвернись, уродец!

Она забарабанила по стеклу, и взгляд мальчишки стал испуганным. Ужасающе медленно, словно преодолевая сопротивление загустевшего бетона, мальчик чуть отклонился в сторону.

– Не надо! – Санда хотела остановить Шнырялу, но та ее оттолкнула, и девушка развернулась к Тео и Маске. – Послушайте! Кобзарь... он ведь тоже продал сердце смерти? Помните легенду, она выманила его обманом! Сделала Кобзаря рабом, он сам говорил! А если разноцветные глаза – метка Смерти?

– Бред! – фыркнула Шныряла. – Ты башкой стукнулась?

– У нас была девочка во дворе, – с жаром заговорила Санда. – Она родилась с разными глазами. И знаете что? Ее называли меченой! Говорили, ее отметил дьявол! Ребята, даже взрослые боялись, а потом... – Санда осеклась, вспомнив что-то ужасное, и задрожала. – Он раб Смерти! Она закрыла его там, потому что... потому что он проиграл в Макабр!

Повисла зловещая тишина. В сумрачном зале стало еще темнее, словно луна скрылась за облаком, и золотые сполохи на кучах и башнях из сокровищ окончательно потухли. В тенях чудились страшные существа. Прозрачная рука игрока с витража, держащая меч, казалась не просто рукой... а костями, лишенными плоти...

– Он слишком мал для игры со Смертью, – наконец сказал Маска.

– Мы ненамного старше! – вспылила Санда и обернулась на мальчика.

Тот моргнул два раза, и Санда охнула.

– А если бы тебя посадили в коробку? – закричала она, сжав кулаки и резко повернувшись к Маске. – Если бы ты проиграл в Макабр? Что бы ты чувствовал, если бы окаменел? Это хуже, чем в тюрьме.

Казалось, Маска заколебался. В его холодных глазах мелькнула искорка, но тут же потухла, и Тео наконец понял. Маска не испытывает эмоций. Вообще. Потому что он... «не совсем человек», – с трудом закончил мысль Тео.

– Это не наше дело, – отрезал Маска и выпрямился во весь рост.

Стало ясно: если Санда попытается открыть стеклянный куб, он ее остановит.

– Но он же живой!

– Я бы так не сказала, – заявила Шныряла. – Судя по его роже, которая просит кирпича. Хотя и сама давно кирпич.

– Он наверняка играл в прошлый Макабр! – заорала Санда. – И сидит здесь сто лет! Целый век! Смерть заколдовала, чтобы он сидел вечно, потому что знает: дверь открывается снаружи. А людей здесь не бывает!

– Тихо! – шикнула Шныряла. – До Алхимика хочешь до-ораться? Сдался тебе этот задохлик! О себе волнуйся, мозги воробышние.

– Тео? – Санда умоляюще взглянула на Теодора.

Он насупился. Он игнорировал взгляд мальчика и мысленно был солидарен со Шнырялой, однако в душе что-то ныло. Вспомнился отец, беседы с Кобзарем, когда тот показывал прошлое... Доброта, которую отец считал силой. Которая довела до трагедии. Тео лишился всего из-за помощи людям. «Хватит! Заткнись!» Усилием воли Тео заглушил внутренний голос, но внутри стало мерзко, будто он совершил убийство.

Санда неверяще замотала головой.

– Вы что? Вы... – Подбородок девушки задрожал. – Вы не люди!

Она выдохнула это страшным, тихим голосом и тут же испуганно отшатнулась.

– Санда, ты уже видела человека, который оказался... не человеком. Мне кажется, – Маска понизил голос, – *здесь нет людей.*

Тео поехал: «Он о фантомах? Или о чем?»

Санда замотала головой, и ее глаза были полны страха. Ее пугали они, они трое – Тео, Маска и Шныряла. Сжав лук, девушка ринулась прочь, но в дверях зала остановилась, низко опустив голову.

Маска поманил Тео и Шнырялу за собой. Тео обернулся: зелено-голубые глаза смотрели вслед со смертельной тоской. Раб дрогнул, преодолевая окаменение, наклонился идохнул на стенку. Стекло запотело, и он медленно вывел слово, потом другое. Тео прищурился, но прочел лишь: «Я зна...», «...ти», «вы...» и пошел дальше.

Мальчик посмотрел Тео вслед и обреченно закрыл глаза. Через несколько секунд слова на стекле исчезли.

Тео казалось, что их выгнали на сцену, как животных в римском амфитеатре, и ждут, когда они начнут жрать друг друга.

Санда спряталась за очередным фонтаном и не выходила. Остальные молча ели фрукты, запивая водой. Маска покопался в сумке и бросил Тео склянку с мазью. Тео набрал пальцем какого-то жира, на первый взгляд совершенно безобидного, но, коснувшись лба, зашипел. Рану словно обожгло огнем, и несколько минут он сидел, молясь, чтобы не упасть в обморок.

– Устроимся на ночлег. – Маска со вздохом растянулся на бортике.

Ему на щеку падал тусклый свет, и казалось, что даже скупое на эмоции лицо парня омрачилось безысходностью.

– Скоро ж рассвет, – буркнула Шныряла.

Тео бросил взгляд на ближнее окно: небо черней дегтя.

Внезапно Маска насторожился. Потом приподнялся.

– Слышали? Мне показалось, откуда-то донесся голос Алхимика... Но я мог ошибиться. Если он поблизости – нужно, чтобы кто-то был начеку, пока другие спят. Я первый, потом Тео... девушки в конце.

Парень встал и отправился проверять зал, из которого они пришли. Шныряла тем временем завернула за статую оленя и выпрыгнула оттуда собакой. Зевая во всю пасть, она свернулась прямо на полу. Тео развернул влажный узел со своей одеждой, повесил на ветки свитер и рубашку, затем поднял ворот и прислонился спиной к бортику фонтана. Судя по звукам, доносящимся из-за фонтана, Санда, пытаясь устроиться на ночлег, раскапывала кучи барахла в попытке отыскать подушку или одеяло. Шныряла недовольно рявкнула, но Тео уже начал засыпать... И вдруг тишину разрезал крик.

Тео вскочил.

Санда выпрыгнула из-за фонтана, трясаясь всем телом, а на ее рукаве болталась чья-то костлявая кисть. Санда с истошным воплем дернула рукой, и кисть, подлетев в воздух, плюхнулась в фонтан. Девушка боязливо подобралась к бортику и заглянула в воду...

– Она была живая, – сказала Санда, обращаясь непонятно к кому. Лицо девушки казалось бледнее березовой коры. – И шевелилась.

Санда все еще сжимала бархатный сверток – видимо, кисть вывалилась из него. Развернув ткань, девушка прочитала:

– «Твой страх».

И тут вода в фонтане вспучилась огромным пузырем, а когда он лопнул с ревом и бурлением, на бортик хлопнулась длинная сизая рука. Секунду спустя взметнулась и шлепнула о камень вторая, и над поверхностью показалась голова мертвеца с редкими длинными волосами и отслаивающейся голубоватой кожей. Одним рывком тело бросилось на Санду, схватило ее за горло и утащило в фонтан. Все произошло молниеносно: Тео только увидел белое лицо Санды с выпученными глазами и открытым ртом, а в следующее мгновение девушка была уже

под водой. Санда вынырнула с диким хрипом, замолотив по воде ладонями, но склизкие руки снова потянулись к ней.

– Пр-р-роклтая! – утробно прорычал мертвец. – Умр-р-ри!

Рывкнула собака, Тео опомнился и выхватил нож, но Маска оказался быстрее. Парень схватил Санду за руку, легко выдернул из воды и перенес через бортик. Тео увидел бешеные глаза, устремленные на ускользнувшую добычу, синюшное лицо, искаженное гримасой безумия. Женское.

Маска подхватил ткань, в которую была завернута кисть, вытащил меч, перелез через бортик и опустил ноги в воду. Мертвая голова нырнула, вода пошла бурунами и вспенилась, по темному дну заскользило, извиваясь, длинное тело. Через пару секунд над волнами поднялась черная чешуйчатая спина, которая, изгибаясь, то опускалась, то всплывала, а потом тело гигантского змея несколько раз обвило ноги Маски. Тео невпопад заметил – если Санда чуть не умерла от ужаса, Маска был спокоен.

– Ты не пос-с-с-меешь-шь послуш-ш-шаться... Тебя ждет с-с-смерть...

Маска занес меч и рубанул по черной спине. Скользящее тело рассыпалось мириадами пузырьков, которые моментально полопались с яростным шипением, и вода утихла. Парень нагнулся и, пошарив по дну, вытащил костлявую кисть. Он поспешно замотал ее в ткань и несколько раз перетянул веревкой.

Маска вылез из воды мокрый и продрогший, отер меч о сверток и швырнул замотанную кисть на кучу всякого волшебного добра.

– Просто. Не трогайте. Здесь. Ничего, – тяжело выдохнул он, отбрасывая назад мокрые косицы. Голос рубил ятаганом. – Это Замок Смерти. Она повсюду. Я знал, что Макабр не закончится на втором туре, но не предполагал, что будет... *такой* обман. Вы пришли ради исполнения своих желаний. Может, таких же важных, как мое, а может, нет. Если перед вами не стоит выбор «жизнь или смерть», – мой совет: уходите.

Маска хмуро посмотрел на Санду, и та вздрогнула, не в силах что-либо ответить. Лицо ее дергалось, на шее краснели полосы – следы от мертвых ногтей.

– Ты знаешь, как найти выигрыш? – не выдержал Тео.

– Нет, – тихо отозвался парень. – Но я все равно не вернусь. Я продолжу искать, пока не... – Он замолк. – У меня нет выбора.

– У меня тоже.

– У тебя – есть, – ответил Маска, глядя Тео прямо в глаза.

И Тео показалось: он уже смотрел в такие глаза. Припомнилась чешуйчатая спина, которая мелькала в фонтане. Все закрутилось в калейдоскопе, сливаясь... Части пазла начали сходиться, но Маска, ссутулившись, побрел прочь. Меч тяжело хлопал его по сапогам, когда он завернул за пустой гранитный постамент, и в эту секунду Тео перехватил взгляд Шнырялы.

Та смотрела вслед, и Тео мог поклясться: в этом взгляде собаки было что-то такое, чего он никогда не видел в глазах девушки. Перекидыш тихо заскулила, но, спохватившись, твякнула и скрылась за соседним фонтаном.

Засыпая, Тео слышал всхлипывание. Санда сопела, глотала слезы. На некоторое время воцарилось молчание. Затем вновь – всхлип. Тео прикрыл уши и попытался уснуть.

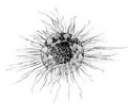
Золотой Замок. Тень. Зал Тишины. Рука, взметнувшаяся из фонтана. Плач. Далекая-далекая песнь. Причудливый пазл, странный. Тео казалось: он вот-вот поймет, к чему это все... Разгадает загадку, которую таит полотно. Он слышал, что есть картины с зашифрованным изображением – его можно увидеть только на расстоянии. Отец рассказывал, такую выставляли в Китиле.

– Нужно... отойти, – пробормотал Тео, засыпая. – И взглянуть...

Мгновение спустя его накрыла мутная дрема, сквозь которую он почувствовал присутствие того, чего видеть не хотел. Тень.

Тео вздрогнул и попытался проснуться, но не смог. Он тяжело дышал, по-прежнему находясь на грани сна и яви. «Проснись же! – орал кто-то внутри Тео. – Сейчас случится что-то ужасное!» Но тело не слушалось, и Теодор окончательно бухнулся в беспросветную тьму.

Когда Маска разбудил его на дежурство, Тео первым делом подумал: «Я знаю, что делать».

Глава 4

Об Ищи-не-найдешь и Путеводителе

Маска отправился спать, а Тео устроился считать минуты по прислоненным к колесу кареты часам. Вдруг ему послышалось, будто где-то там, в соседнем зале, прокатился шарик. Он медленно встал и отправился проверять. Проход между статуями и грудями волшебных предметов был пуст, только у далекого входа в Зал Фонтанов покачивалась жилистая лиана. Крадучись, Тео добрался до дверей и выглянул: никого.

Он вернулся.

Часовая стрелка чуть отползла от десяти.

Не выпуская ножа, Тео прошелся по волшебному залу. Возле золотой башни, сложенной из разнообразных шкатулок, клубком свернулась Шныряла. Маска спал сидя, прислонившись к бортику, с мечом на коленях. Санды не было видно, но и всхлипов Тео уже не слышал, а потому рассудил, что она спит.

Он помедлил и пошел к стеклянному кубу с бледным мальчиком. Надпись «Раб Макабра» чуть поблескивала золотом. Тео постучал пальцем по стеклу, и куб тихо зазвенел. Он поежился и оглянулся: хорошо фонтан далеко, игроки не проснутся.

Мальчик сидел с закрытыми глазами в позе лотоса.

– Я знаю, что ты писал, – сказал негромко Тео. – Открой глаза.

Мальчишка не шелохнулся.

– Если ты говоришь правду... я открою дверь.

Молчание. Тео не знал, слышит его узник или нет. Те куски пазла, которые так хорошо сошлись в голове, начали раздвигаться, и он силился удержать их. План рушился.

– Ты написал на стекле, – ровно продолжил Тео, – «Я знаю», «найти» и «выигрыш». «Я знаю, как найти выигрыш», верно?

Ему показалось, что веки мальчика дрогнули. Или просто игра теней? Время шло, и наконец Тео не выдержал. Взялся за холодную стеклянную ручку, но открывать все-таки не спешил. Поколебавшись, он вспомнил обман Смерти, потерянных родителей, нападение монстра и рванул дверь на себя.

Внутри куба с хлопком ворвался воздух, и в следующий миг произошло то, чего Тео никак не ожидал. Широко распахнув глаза, мальчик с резвостью кошки бросился на Тео и проскользнул под его локтем. Тео успел выбросить вперед руку, но пальцы схватили только воздух.

Мальчишка рванулся в волшебный зал, и Тео, забыв обо всем и лишь стараясь тише бухать сапогами, кинулся за ним. Он бежал, спотыкаясь, плащ хлопал по бедрам. Тео ругался про себя, понимая, что эта выходка с кубом вряд ли останется незамеченной. Они петляли по проходам, и с золотых насыпей то и дело падали мелкие безделушки. Тео проломился сквозь заросли наперерез мальчишке и оказался возле арки в Зал Фонтанов, полный статуй и лиан.

Тишина. Ни шороха, ни вздоха.

– Вот гаденыш! – Теодор скрипнул зубами. – Здесь спрятаться легче легкого.

Он не знал, побежал мальчик дальше, в другой зал, или затаился здесь. Тео внимательно оглядывался, но в тусклом свете было трудно отличить беглеца от каменной скульптуры. Он вслушивался, однако слышал лишь собственное дыхание.

«Идиот! – Тео с досадой покрутил головой. – Просто идиот».

Он стоял в проходе и ждал сам не зная чего, ощущая, как откуда-то из живота поднимается волна злости, заливая внутренности, бурля по венам и жилам. Все обрушилось на него разом: ноющая рана, боль, обман, еще обман. Все вокруг – ложь! Никому нельзя верить! «Я никогда не прощу людей и не доверюсь им». Тео сжал кулаки и почувствовал жилку на шее, пульсирующую от волн ярости. Тео хотелось сделать что-то, будто это могло облегчить боль, что-то... чему он не знал названия. Ему хотелось... хотелось...

Когда желание достигло пика, произошло странное. Цвета словно выключили совсем, мир стал черно-белым и замедлился: и звуки, и движения, и дыхание. Журчание фонтанов пропало. По ногам потянул сквозняк, и Тео посмотрел в проход между двумя огромными статуями волков. Оттуда надвигались холод и глухая темнота, надвигались медленно и уверенно.

Из-за постамента в паре десятков метров от Тео показалась плотная тень. Высокая и худая, с длинными конечностями, она застыла черным мешком, словно была частью самой ночи. У нее не было глаз, но Тео чувствовал леденящий кровь взгляд, от которого хотелось кричать. Горло перехватило от ужаса, он задрожал, однако не мог двинуться с места и просто смотрел, как тень, медленно качнувшись, делает к нему шаг. И еще один. И еще.

Воздух загустел от темноты, стало трудно дышать. Теодор с трудом шагнул назад, споткнулся и упал на спину. Подняв голову, он увидел, что тень медленно переступает тонкими длинными ногами все ближе и ближе, и судорожно пополз назад.

Руки не слушались, скользили по плиткам, Тео бешено глотал воздух: ему хотелось быть где угодно, только подальше от этой кошмарной тени. «Нет, нет, нет», – твердил он, будто это могло спасти от надвигающегося ужаса. Тео казалось, он теряет сознание. Сквозь плотный сгустившийся туман он услышал отдаленный голос, который показался знакомым:

– Теодор! Тео!

Последнее, что он увидел, – как тень застыла всего лишь в паре шагов от него. Тео провалился в мутный звенящий туман, а когда пришел в себя, увидел склонившуюся над ним Санду.

– Что... – Тео вяло приподнял голову и осмотрелся.

Ни малейших признаков тумана и зловещей тени. Цвета и звуки вернулись.

– Каштановые? – проговорил Тео.

– Что? – не поняла Санда.

– Волосы... у тебя... каштановые?

Девушка удивленно схватила за челку и кивнула. Тео с облегчением вздохнул и закрыл глаза. Каштановые. «Как скорлупа лесного ореха, который зреет в сентябре». Он вспомнил, что любит орехи, и внутри потеплело.

Цвета вернулись. Звуки тоже.

– Что... что с тобой случилось? – Санда осторожно тронула Тео за руку. – Тебя ударили? Ты упал в обморок?

– А ты ничего не видела? Не почувствовала? Как будто...

Тео указал рукой в сторону постамента и замер. Девушка смотрела на него с удивлением и настороженностью. «Это происходит только со мной», – внезапно понял он. Сердце упало. Теодор подтянулся и прислонился к позолоченному колесу. Он вдруг заметил, что за спиной Санды виднелся лук, а глаза были красные.

– Где остальные?

Санда неопределенно махнула назад.

– Спят?

Девушка неохотно кивнула. «Она видела, как я выпустил мальчишку, и побежала следом? Что она тут вообще делает?» Санда вскинула руку к лицу, но Тео успел заметить, что ее глаза отчаянно блеснули. Девушка прикусила нижнюю губу и отвела взгляд.

– Это бесполезно, – еле слышно сказала она. – Понимаешь? Просто... нет смысла.

Теодор понял, о чем она.

Санда нервно всхлипнула и вытерла щеки ладонью. Потом тронула ссадины на шее. Тео подумал, что сейчас раны очень ноют. У него ныла тоже.

– Этот замок – ловушка. Вы все умрете.

«Вы». Тео догадался, что произошло. «Проснулась от шума, увидела, что никого нет на посту... и хотела уйти».

– Иди, – сказал он.

Девушка посмотрела, словно не веря. Она думала, он будет уговаривать?

– Я просто... – начала она, – просто... это уже слишком. Я не думала, что все будет так! Ну, просто игра... Я до самого первого тура не думала, что все правда. А когда увидела ее... – Слезы выступили снова. – И последний тур. Это вышло случайно. Я не думала идти за ключом, Тео.

Он понял, это признание далось ей с трудом. «Мэр беседовал с ней. Отговаривал».

– Я боюсь ее.

Тео промолчал.

– А ты? – спросила она. – После всего, что произошло у Вангели?

«У Вангели?» – Тео вскинулся. На мгновение мир снова почернел. Тео открыл было рот, но осекся: за спиной Санды с огромной пирамиды, сложенной из прямоугольных, квадратных и овальных золотых постаментов, спускался белый мальчишка. Он робко оглянулся, и Тео столкнулся с ним взглядом.

– Эй, ты!

Теодор подскочил, Санда тоже.

Мальчик замер, испуганно тараща разноцветные глаза. Затем прыгнул на землю и выпрямился. Он не убежал, и Тео осторожно шагнул ему навстречу. Мальчик протянул к нему сжатый кулак, из которого торчало что-то белое, и кивнул. Теодор, помешкав, поднял руку ладонью вверх. Мальчик с опаской приблизился, быстрым движением швырнул Тео скомканный клочок бумаги и, взвизгнув, бросился прятаться за ближайший постамент.

Тео развернул записку. Всего два слова, написанные карандашом.

Путеводитель.

Ищи-не-найдешь.

Тео поднял глаза. Мальчик чуть улыбнулся в ответ, прижал руку к сердцу, склонил голову, словно благодаря Тео, и окончательно скрылся за башней.

Санда ахнула.

– Ты... выпустил его?

Тео кивнул. Взгляд Санды изменился. Теперь она смотрела не просто с удивлением и как-то... тепло. Тео почувствовал, что воздух между ними нагрелся за пару мгновений, и она придвинулась ближе – словно существовавший до этого барьер пал.

«Путеводитель. Ищи-не-найдешь», – повторил он про себя и тут все понял.

– Путеводитель! – вскричал он. – Ищи-не-найдешь! Вот оно что!

Он развернулся к Санде с бешеной улыбкой и радостно чертыхнулся. Пазлы сошлись. Они обманут ее. То, о чем Кобзарь пытался умолчать, когда Смерть вызвала его к себе, оборвав песню птицы о мире Смерти. «Которую сочинил мастер, пока был в Ищи-не...»

Легенда о Макабре.

Первый человек вошел в мир Смерти и попал в Золотой Замок, набитый волшебными вещами. Но решил отказаться от сокровищ и пустился в странствия. Пройдя леса и луга, где бродили невиданные звери и росли диковинные цветы, он нашел другой дворец, мрачный и темный. «Там жили тени». Там, в Замке Теней, он отыскал родича и вернул в мир людей.

«Я найду там своих родителей! – Тео даже зажмурился. – В мире Смерти должно быть место, куда попадают души умерших или тех, кого она похитила, – и это место там! Я знаю. Замков Смерти на самом деле не один, а... два».

Санда ахнула, и Тео осознал, что рассуждал вслух. Он посмотрел девушке в глаза:

– Ищи-не-найдешь! Так называется этот замок!

И Санда, удивляясь, как пришли на ум слова, проговорила нараспев:

*– И никто во всем мире в тот замок не входит,
Там живых никогда не бывает,
Десять лет ты ищи – но его не найдешь,
Только тень его дверь отпирает,
Дверь в Ищи-не...*

– Найдешь отпирает! – торжественно закончил Тео и смолк, глубоко дыша.

Он чуть не заплясал от радости. Внутри голос хохотал: «Да!»

– Мальчишка подсказал, как найти выигрыши!

– Он же игрок Макабра, – затараторила Санда, радость передалась и ей, – он ведь мог это знать, да?

– Вот именно! – Тео потряс перед ее носом бумажкой. – Ищи-не-найдешь. *Путеводитель*. Он выведет нас, – прошептал он. – Санда, понимаешь, в этом мире должно быть все! *Все*. Так написано в договоре, и Смерть не может нас обмануть, понимаешь? Это единственная брешь в чертовом договоре. Если есть лазейка для Смерти нас обмануть, то есть и у нас – чтобы обмануть Смерть.

«Кобзарь мне подсказывал! В Макабре можно выиграть. Если есть вход в проблему – выход тоже есть. Я не зря вспомнил!»

– Как? – Глаза Санды загорелись. – Тео, ты хочешь сказать... что если мы найдем этот путеводитель...

– У нас будет предмет, который находит то, что ты хочешь! Это... – Тео чуть не захлебнулся от восторга и расхохотался как сумасшедший. – Это, наверное, какая-то карта или что-то типа компаса. Ну, например, загадаешь: «Хочу отыскать зелье правды!» И карта тебе показывает – иди направо, налево, снова направо – и найдешь!

– Или на ней могут быть отмечены все эти выигрыши! – подхватила Санда, обведя вокруг себя рукой. – Мы сможем узнать свойства предметов, и те, что смертельны, – не будем трогать!

– И двери! – Тео указал рукой на запертые створки. – Мы узнаем, какая из этих дверей куда ведет. Мы сможем найти выигрыши, если... найдем...

Он озадаченно посмотрел на листок.

– Если найдем Ищи-не-найдешь.

Лицо Санды потемнело.

– Слушай, – рассудительно начал Тео, – Смерть точно знала, что мы можем догадаться. «...А о Черном, втором, вовсе не говорят, из него только Смерть и вернется».

– Она его спрятала?

– Да, но... – Тео покачал головой. – *Она не имеет права его отнять*. В договоре четко написано: ты можешь взять любой предмет. А если я хочу взять именно этот Путеводитель?

– То есть она не имеет права не отдать?

– Санда, это – наше спасение. Мы вернем их. Я думаю, твой отец там же, где и мои родители – в Замке Теней. Мы все найдем, если сыщем этот замок и Путеводитель. Ведь это игра, – Тео усмехнулся, – просто игра. И теперь *мы* сыграем со Смертью по *своим* правилам.

– Она наверняка попытается нас остановить.

– Ха, пусть пробует! Мы...

Тео осекся. «Мы». Он не говорил этого давно. Очень давно. Это было неожиданно.

Тео решительно тряхнул головой и потянул Санду обратно к фонтану. Маска и Шныряла не спали. Едва завидев их, девушка зарычала:

– Ну и где ее черти носят? Тео, ты что, ушел с поста?!

Тео, судорожно напяливая свою едва просохшую одежду, сбивчиво объяснил, что произошло, и выложил свои догадки. Шныряла насупилась, а Маска неодобрительно покачал головой:

– Ты выпустил его.

– Я... – Тео хотел объяснить про надпись на стекле, но Санда опередила:

– И правильно! Если бы Тео этого не сделал, мальчик не помог бы нам! Потому что хороший поступок тянет за собой другой хороший поступок. Разве вы этого не понимаете?

Маска хмурился, но, признавая поражение, кивнул.

Санда с улыбкой повернулась к Тео:

– Благодаря тебе мы сможем найти выигрыши! Мы должны отправиться туда, и тогда...

– Стоп-стоп-стоп. – Шныряла подняла палец. – Я не ослышалась? Вы хотите найти местечко, которое называется Ищи-не-найдешь? Вам не кажется, что название самую малость намекает, что в вашем плане что-то не так?

– Санда, – заговорил и Маска, – это замкнутый круг. Путеводитель может находиться в замке, который можно найти только с помощью Путеводителя.

– Птица, – прошептал Тео и продолжил громче: – Та птица у Тронного зала. «Она поет песнь о мире Смерти», так сказал Кобзарь. Там шла речь о двух замках, и... вдруг в стихе сказано, где находится тот, другой?

Шныряла и Маска неловко переглянулись, потом Маска потер подбородок:

– Что ж... в этом есть логика. Возможно, это выход.

Санда радостно вскинула кулак:

– Конечно! И мы все-таки обма...

Шныряла, до этого иногда с подозрением поведившая носом, дернулась в сторону. На бегу выхватывая нож, она метнулась к проходу в соседний зал.

– Ловите его!

В проходе мелькнула сгорбленная спина и тут же исчезла.

– Алхимик! – охнул Тео.

Они нагнали Шнырялу в соседнем зале. Она металась от одной двери к другой и грязно ругалась.

– Удрал! Куда-то сюда, но ни одна не открывается!

Тео подергал все ручки по очереди – безрезультатно.

– Так и думал. – Маска вздохнул. – Все-таки это был его голос...

Тео вспомнил, как качались листья лианы, когда он заступил на дежурство.

– Он следил за нами.

– Но зачем? – удивилась Санда.

– Зачем? – Шныряла закатила глаза. – Поднапряги воробьиные извилины, балда! Да хоть зачем: подбросить какую-нибудь дрянь, что-нибудь узнать...

– Он же... – Санда обвела всех ошарашенным взглядом. – Он же ВСЕ слышал! Про Путеводитель, Ищи-не-найдешь, птицу... Он...

Тео метнул взгляд на прислоненные к карете часы.

– Одиннадцать.

Он повернулся к игрокам:

– Кобзарь сказал, птица поет в полночь.

– Мы вышли из лабиринта после боя курантов, и песня как раз закончилась, – кивнула Санда.

– Если не поспеем к Тронному залу к полуночи...

– То Алхимик услышит об Ищи-не-найдешь раньше нас! – выпалила Санда.

– И отправится на поиски раньше, – подтвердил Тео. – И может найти Путеводитель! А нам придется ждать сутки, пока часы снова не пробьют полночь!

Шныряла насупилась, Маска рассеянно потирал рукоять меча. Санда нетерпеливо переводила взгляд с одного на другого.

– Послушайте, – сказал Тео, и все посмотрели на него, – мы можем продолжать поиски наобум. Это долго. Опасно. Мы понятия не имеем, где чей выигрыш находится. Зато мы точно знаем, где Путеводитель. Осталось выяснить, как пройти к Ищи-не-найдешь, и все...

Он поежился, ощущая себя голым под фонарем.

– Вы же понимаете... найти предмет, зная, где он находится, – даже если это место опасно – гораздо проще, чем искать свой выигрыш в этом хаосе!

Тео не знал, зачем их уговаривает. «Почему я просто не уйду?» – поразился Тео. Только он хотел махнуть рукой, как Маска кивнул Шныряле:

– Он прав.

Шныряла фыркнула, но Санда заулыбалась.

– Остался час, – Тео покосился на циферблат, – чтобы добраться до птицы через все залы. И опередить Алхимика.

Шныряла криво ухмыльнулась:

– Еще одна ночь без сна? Обставить Алхимика? Надрать Смерти задницу? Прелесть! – Она вытащила нож. – Ну, так чего ждем?

Блуждая по залам, они не заботились о том, чтобы запомнить путь, и теперь плутали в лабиринте. Только благодаря нюху Шнырялы время от времени удавалось отыскивать верное направление.

– Слишком много всего, – рычала девушка. – Слишком много запахов!

Залы сливались в один, нагромождения золотых и волшебных вещей проносились фантастической чередой, Теодора даже затошнило. И все-таки он сумел заметить одну странность – все часы замка шли правильно. Вот напольные часы, показывают без десяти двенадцать...

В одном зале Шныряла, покружив, в отчаянии заскулила, и Санда в испуге прижала потные ладони к красным щекам. Тут взгляд Тео упал на маску у ног – белое лицо с тремя пустыми глазами.

– Туда!

Спотыкаясь, все рванули за ним. Вот и двери с метлой в ручках. Вытянув ее, Теодор открыл створку и сразу отпрыгнул от хлынувших в проем безделушек...

Когда золотая лавина сошла, все четверо осторожно вскарабкались по ней и вошли в зал. Башни покосились, горы осыпались, пола не было видно под толстым слоем всевозможных предметов. Игроки по колено проваливались в блестящие безделушки, таблички, зверушки

и подковы. Кое-как добравшись до середины зала, Тео с удвоенной силой ринулся к черным дверям, где было свободно, словно кто-то расчищал завал.

Птица уже закончила петь первый куплет и открывала клюв, чтобы начать второй.

– Запоминайте! – только и бросил Тео, полагаясь на память всех четверых.

Зал погрузился в тревожную тишину, в которой раздался тихий голос, подобный звону колокольчика:

*Мир Полночи тешен и сладок на вкус:
Черный лес и луна золотая;
На тропу нимерицы ступив, я вернусь
В город тот, где лишь тени блуждают.*

*Нимерица ведет среди сказочных мест,
Где хранят старый клад спиритуши,
Где паук смертоносный сплетает свой крест
И цветы стерегут ваши души.*

*По тропе золотой ты уйдешь далеко,
Если ищешь заветное место —
Всех дорог перекресток увидеть легко,
Как услышишь беззвучную песню.*

*Тайный сад охраняет заветную дверь
Среди тысяч других – и опасных,
Но открыть ты не сможешь тот путь, уж поверь —
Если жив, не пытайся: напрасно.*

*Словно братья, в Полночи замки стоят.
Первый золотом слепит, как солнце,
А о Черном, втором, вовсе не говорят —
Из него только Смерть и вернется.*

*И никто во всем мире в тот замок не вхож,
Там живых никогда не бывает,
Целый век ты ищи, но его не найдешь,
Только тень его дверь отпирает,*

Дверь в Ищи-не-найдешь открывает...

Птица распахнула крылья, широко раскрыла клюв и стихла.

Долгая минута тишины. Игроки задумчиво хмурились. Тео думал, что забудет песню тут же, но она буквально въелась в память.

– Сначала, – Санда подняла палец, – говорится о тропе. Нужно найти золотую тропу... И где-то на перекрестке находится тайный сад, в котором будет дверь... в тот самый Ищи-не-найдешь. Я так понимаю?

Она посмотрела в окно. Залитый лунным светом, там виднелся склон холма, который сбегал к темному лесу. И вдруг к Санде подскочила Шныряла, схватила ее сзади и приставила к горлу нож.

Маска широко раскрыл глаза, а Теодор дернулся было вперед, но замер.

– Тсс, – прошипела Шныряла. – Помолчи, девочка. – Она оскалилась и закричала на весь зал: – Я убью ее!

Теодор стоял, сжимая рукоять ножа в потной руке, а Шныряла чуть покачала головой и одними губами произнесла: «Нет».

Санда, сипло хватая воздух, вцепилась в рукав Шнырялы, но та держала крепко.

– Зачем? – еле выдохнула Санда. – Пожалуйста...

– Дика... – Маска был ошарашен не меньше других, даже его каменное лицо перекошилось.

– Я перережу ей горло! Проведу лезвием по ее шейке и – чик! Нет девочки... Тебе ведь жалко ее, да?

Тео судорожно соображал, к кому же она обращается.

– Ты ведь не позволишь маленькой девочке стать... маленькой *мертвой* девочкой?

В ответ – ни звука, но Тео понял: Шныряла говорила не для него и не для Маски. Девушка шумно втянула носом воздух и медленно проговорила:

– Сквозняк из окна, знаешь ли... Я тебя чую. Выходи.

Из-за края белой арки шагнул Александру Вангели.

Едва Тео увидел его, как внутри словно дикий зверь взревел. «Не сдох! Он не сдох!»

В руках мэра держал револьвер.

– Я знаю, – оскалилась Шныряла, – у тебя нет патронов.

Вангели молчал.

– Нету, нету, – хмыкнула Шныряла. – Иначе ты бы нас сразу перестрелял.

Из-за спины мэра показался сгорбленный Алхимик с прижатыми к груди руками. Тео пытался разглядеть, что он прячет, но не смог.

– Есть, – сухо ответил Вангели.

И Тео понял, что действительно есть. Один.

Санда умоляюще смотрела в потолок, и от ее взгляда в сердце Тео кольнуло.

– Оставь ее. – Вангели сузил глаза.

Шныряла покачала головой:

– Думаешь, не перережу ей горло? Я же *нежитель*, исчадие ада! Я ее могу в один момент прикончить. Брось револьвер.

Вангели заколебался. Его глаз едва заметно подергивался. Тео увидел, как Алхимик с мерзкой улыбкой исчез за аркой.

– Сам дьявол послал меня пытаться этих бедненьких живячков! – с издевкой усмехнулась Шныряла.

Вангели словно ударили. Он смертельно побледнел, схватился за лоб и закричал – жутко, высоко, от чего Теодора обдало холодом. Мэр рухнул на колени, револьвер выпал из ослабевших пальцев – и грянул выстрел. Санда вскрикнула. Рядом звякнуло: пуля попала в птицу и перебила ей шею. Птица дернулась, и с жутким скрипом ее головка свесилась набок. «Черт, сломалась!» – выругался Тео. Теперь они ни за что не услышат начало песни.

Маска направил на Вангели меч, но смысла в этом не было. Раскинувшись на полу, мэр бился в агонии. Белое лицо судорожно дергалось, невидящие красные глаза вылезли из орбит. Вангели держался за голову и выл от боли, словно кто поднес к нему горящую головню.

– Комета... – прохрипел он не своим голосом. – Несет хаос... Один из вас вернется... И принесет с собой... Разрушение... Истинное зло! Нечеловек!

На губах его вспенилась слюна, и он страшно заорал. Тео и остальные застыли в ужасе, не зная что делать... Даже Шныряла, оттолкнувшая Санду, чтобы кинуться на Вангели, остановилась.

Мэр их пугал.

Краем глаза Теодор уловил в стороне какое-то движение. В соседней арке возник Алхимик с черной коробочкой в руке. Он осклабился, откинул крышку, и весь зал мгновенно заволоч черным дым...

Тео показалось, ему выкололи глаза. Все, что он видел, – непроницаемая тьма. Справа глухо рычала Шныряла, а приглушенные вскрики Санды стремительно удалялись. Тео вытянул руки и зашарил вокруг. Коснулся чьего-то локтя, но больше ничего нашарить не смог. Рядом слышался топот, возня и невнятное мычание, что-то тяжелое ползло по полу или что-то тащили... Тео двинулся на звук, но получил по лбу тяжелым ботинком.

Тео чуть не грохнулся в обморок, такие искры посыпались из глаз, но секунду спустя различил сквозь черную пелену знакомый звук. Позвякивание, бреньканье и мелодичный перезвон. Из темноты донесся знакомый возмущенный голос:

– Боже праведный! Так и знал, что вы вернетесь добить лучший зал! И кто додумался открыть коробку с тенебризом?

Откуда-то полился свет, и Теодор, подслеповато моргая, пополз на его источник. Белый шарик увеличился, и Тео понял, что туман вовсе не плотный: сквозь клубы рисовались силуэты, башни... Чернота быстро рассеивалась, и через несколько минут обнаружили Шныряла, Маска и Санда, тоже осторожно, на четвереньках, пробирающиеся на свет. А на горке высушенных слоновьих ног, окованных золотом, стояла знакомая фигурка.

Кобзарь держал фонарь и, помахивая платочком, разгонял клубы тьмы:

– Фи! Вам не надоело друг с другом вздорить?

Тео поднялся на ноги, потирая лоб. Вангели и Алхимик пропали. Волшебный Кобзарь спрыгнул с постамента и приблизился, покачивая шляпой:

– Я потратил несколько дней, чтобы хоть немного разгрести завалы по приказу Смерти. – Он скривил губы. – Потому что кое-кто угрожал зал своими «пиф-паф»! Будто мне нечем заняться... между прочим, дел невпроворот! И вот вы здесь...

Кобзарь застыл, как лайка на охоте. Потом обошел Тео кругом и постучал по его кулаку.

– Что это у вас?

Теодор, опомнившись, раскрыл ладонь, и, едва взгляд Кобзаря упал на бумажку, Глашатай попятился с выражением чистейшего ужаса на лице. Он оглянулся на птицу и ахнул.

– Боже праведный! Вы... нет!

– Что? – вскричала Шныряла. – Хотел нас обмануть? Чтобы мы шлялись по чертовому замку и развлекали Смерть? Чтобы она веселилась, глядя на Тео в розовых штанцах...

– Розовых? Тео, всегда думал, что розовый тебе к лицу...

– Хватит! Этот Ищи-не-найдешь существует?

Все требовательно уставились на Кобзаря. Музыкант провел платком по лбу:

– Да, – кивнул он. – Но... это место очень опасно! Вам ни в коем случае туда нельзя! Впрочем, – он махнул платком, – вы все равно не отыщете Ищи-не-найдешь.

– Эт еще почему? – рявкнула Шныряла.

– Потому, милочка, – улыбнулся музыкант, – что вы не пили микстуру ума. А от природы он, уж простите, вам не достался.

– Его точно отыскать невозможно? – с напором проговорил Тео.

Кобзарь прикрыл веки:

– Ох...

Тео ждал. И Кобзарь, что-то пробормотав про щипцы, выдохнул:

– Да... но... – он покачал головой, – путь к Ищи-не-найдешь пролегает не по залам замка...

– Золотая тропа? – подала голос Санда.

Кобзарь сделал знак следовать за ним и подвел их к арке, рядом с которой обнаружилась дверь с ручкой в виде месяца. Музыкант что-то шепнул в замочную скважину, и створка

отворилась сама по себе. Он шагнул наружу и поманил игроков за собой. Едва Тео переступил порог, в лицо ударил свежий ветер. Он вдохнул запах ночи: пряность трав и аромат хвои.

Они стояли высоко на холме, в самом начале лестницы, сбегаящей по склону к темному лесу.

– Вот она! – Волшебный Кобзарь широко развел руки. – Великая и таинственная. Загадочная и прекрасная. Смертельная и волшебная. Единственная и неповторимая. Полночь.

Он немного спустился по ступеням и развернулся. Ложки на куртке отщелкали лихой твист. Кобзарь же грустно улыбнулся, но в его глазах застыло торжество, а голос дрожал. Он открывал величайшую тайну.

– Этот мир называется Полночь.

У Теодора перехватило дыхание, когда он глянул с холма на бескрайние просторы: нагорья и возвышенности, ложбины, заросшие темными деревьями, между которыми слюдяной лентой поблескивала речка. Вдали тянулась цепочка гор. Теодор прижался к стене, обдуваемый ветром. Ему казалось, что еще чуть-чуть – и порыв поднимет его в воздух, понесет над распахнувшимися далями. Он бросил взгляд на уходящие в небо золотые стены. Направо, спускаясь в ложбину, убегала стена, тянулась по вершине следующего холма – и так на многие версты, пока не таяла золотой нитью вдали. Тео повернул голову влево и увидел такую же картину.

Стена Золотого Замка опоясывала землю. Ей не было конца. Едва Тео представил, сколько внутри комнат с сокровищами, ноги подогнулись. «В Золотом Замке действительно есть все...»

– Что это за место? – Санда осторожно вышла из двери.

Кобзарь ответил дрожащим от восторга голосом:

– О, дорогая... Это – мир Смерти.

– О котором говорилось в легенде? Мы были в Трансильвании, а теперь... другая страна! Это какое-то...

– Волшебство? – Смех Кобзаря рассыпался звоном колоколыцев. – Да, милая, оно самое. Смерть – величайшая волшебница, она может все... почти.

Тео вглядывался в темный лес напротив, и ему мерещилось движение... то ли колыхание ветвей, то ли тени. Он прижимался спиной к золотой стене и дрожал от странного волнения, охватившего его с ног до головы. Ароматный воздух, вдыхаемый с полуночью, пронизывал грудь щекоткой...

– Полночь. – Маска устремил вдалеке зеленый взгляд. – Вот она... Мне отец рассказывал.

– А, – Кобзарь кивнул, – он многое знает о мире Смерти, ведь, как и все волшебные существа, родом отсюда... Не так ли?

Маска согласно склонил голову.

– Полночь, Полночь, Полночь, – произносил Кобзарь с разными интонациями. – Место, где не восходит солнце...

Место, где черный мир освещает то серебряный месяц, то золотая луна. Место, где лишь одна царица, имя которой – Смерть. Ни одному смертному не увидеть Полночь, если только ты не выиграл Макабр. Ну, или не умер.

– Вот почему рассвет не наступил! – догадалась Санда. – Но что это за страна? Где она находится?

– В мир Смерти, дорогая, не привезет ни одна карета, ни один поезд. Попасть сюда можно лишь через Дверь. И выйти тоже.

– Ясно, – фыркнула Шныряла. – А что насчет Путеводителя?

Кобзарь помрачнел:

– Вам его не найти.

– Это еще почему?!

Глашатай заломил руки:

– У вас есть договор... Вы можете найти в замке выигрыши.

– Через сто лет?

Кобзарь пожал плечами:

– Сто... двести... Подумаешь! Для влюбленных десять лет пролетают как миг, а пленнику минута кажется вечностью. Все зависит от восприятия, понимаете к чему я?

– Мы слышали песню, – сказал Тео. – Путеводитель находится в Ищи-не-найдешь.

– Это так.

– Если мы пойдем через лес по золотой тропе, то отыщем второй замок.

– Именно.

– Добудем Путеводитель, который укажет все выигрыши.

– Верно.

– Это же не запрещено договором?

Кобзарь озадаченно сдвинул брови.

– Не запрещено! – расхохоталась Шныряла. – Что, выкусил? Ну, где там сказано: «не выходи из замка» или «не трогай Путеводитель»?

– Я просто... – Кобзарь покраснел и спрятал лицо в ладонях. Затем воровато оглянулся и жарко прошептал: – Послушайте совета... Оставайтесь.

Теодор хмуро глянул в зелено-голубые глаза:

– Почему?

– Полночь опасна, темна и полна ужасов, – зашептал музыкант. – Спиридуши, лидерцы, майстры, поля мертвых цветов... А пауки-крестовики, плетущие сети для несчастных жертв! А коварнейший Балаур! И если уж на то пошло – Кровавый лес и Багровые топи, на краю которых обитают кэпкэуны... Алый туман, оседающий на кожу кровью... О, вам не пройти! Вы погибнете!

Кобзарь затрясся от страха.

– Но разве, – спросил Тео, – Золотой Замок менее опасен?

– Мне жаль. – Музыкант поник и вновь спрятал лицо в ладонях. – Мне так жаль...

Тео посмотрел на помрачневших спутников. Молчал даже Маска, а вот Тео, наоборот, ощутил прилив сил. Почему-то знал: он принимает правильное решение. Словно кто шепнул.

– Кто-нибудь из игроков находил Путеводитель?

Кобзарь робко поднял глаза.

– Кто-нибудь возвращался живым?

Музыкант со вздохом кивнул. Внезапно, озаренный какой-то мыслью, он приложил палец к губам, зашагал взад-вперед и забормотал под нос:

– Возможно... но ведь между ними нет... но вдруг... вместе... дружба, конечно, дружба... – Потом он остановился и изрек: – Возможно, вы победите. Если воспользуетесь главным оружием.

Шныряла вытащила нож:

– Сильнее, чем это?

Кобзарь хохотнул:

– Гораздо.

Игроки недоуменно переглянулись, и Кобзарь, внезапно чем-то обрадованный, оглядел их таким взглядом, словно видел впервые.

– Посмотрите! Ведь вы стоите *вчетвером*.

– Ну и что?

Кобзарь запрокинул голову, его хохот отразился эхом от стен замка.

– Верно, верно! Понимаете, у вас есть то, чего у Смерти нет. Если вы отправитесь в путь вчетвером и будете сражаться этим оружием... Да, у вас появится шанс.

– Та-а-ак, и где этот чудо-нож? – Шныряла в предвкушении потерла руки.

– Дорогие мои... он всегда при вас.

– А?

– В этом мире у вас одно оружие – то, чего не бывает в землях Полуночи. Это свет. Свет любви и дружбы. Смерть не знает ни того ни другого. А то, чего она не знает, ее пугает. Не забывайте, вы не имеете иных сил, кроме сил своих сердец. Это то, что у вас отнять не могут. В отличие от ноги. Или руки. Или глаз.

– Чем-чем сражаться? – скривилась Шныряла. – Вы шутите. Расческой и то можно покалечить сильнее, чем любовью.

– Вижу, вы не встречали человека, которому ответили «нет». Человека, стоящего на мосту. По ту сторону перил.

Шныряла демонстративно хмыкнула.

– Если у вас есть другое оружие, которого нет у Смерти, выдумавшей войны... то я ошибся как никогда в жизни. А я брожу по земле не один век и видел столько лун, скатывающихся за горизонт, сколько яблок падает в садах Трансильвании. Я ошибся?

Они молчали. Кобзарь многозначительно улыбнулся, и от уголков его глаз разбежались лукавые морщинки.

– Это очень сильное оружие.

– Вы хотите сказать... вместе мы как бы сильнее? – спросила Санда.

– Не «как бы», а взаправду.

Теодор, в раздумьях вглядывающийся в даль, заметил две фигурки у подножия холма, которые вот-вот должны были скрыться в лесу.

– Черт! – выругался Тео.

– Алхимик и Вангели! – встрепелась Шныряла. – Эти уроды решили нас опередить!

Маска решительно тряхнул головой.

– Итак. Либо мы ищем нужное нам в Золотом Замке, либо отправляемся искать второй и добывать Путеводитель. В любом случае, – Маска взглянул на Шнырялу и предупреждающе поднял руку, – мы должны объединиться.

Тео посмотрел на игроков: Санда все еще жалась в стороне от Шнырялы, потирая шею. Шныряла бросала лютые взгляды то на Кобзаря, то на Маску. И вспомнил про фитиль, осколки и свечу. «Я должен идти один, – сказал он себе. – Нельзя доверять никому».

– Тео, – мягко сказал Маска, словно угадав его мысли, – карта одна. Мы обязательно найдем каждый свой выигрыш, просто используем ее по очереди. Иначе мы станем врагами не только Вангели и Алхимику, но и друг другу. Мы заключим договор.

– Как договор Смерти?

– Почти...

Кобзарь ахнул и приложил руку к сердцу.

– Договор дружбы! О, невероятно сильный ход!

Глашатай вытянул из рукава пергамент и протянул Санде:

– Записывайте, дорогая!

Маска постучал по свитку:

– Пункт первый. «Мы объединяем силы в поиске Путеводителя, и наш союз будет существовать до тех пор, пока мы не отыщем выигрыши для каждого». Все согласны? Хорошо. А теперь давайте каждый предложит свой пункт для договора. Я начну. Пункт второй. «Если союзник попадет в беду, другие не уйдут, пока не сделают все, чтобы его спасти».

Он посмотрел на Санду, и та продолжила:

– Мм, ну... третий пункт. «Если союзник надумает перейти на другую сторону, он должен всем сообщить об этом прямо».

Маска кивнул Шныряле, та долго колебалась. Наконец, сдавшись, хмыкнула:

– Хорошо, вот вам четвертый пункт. «Того, кто нарушит правила договора, выгнать из союза! И по роже надавать!»

– Принято. Тео?

– «Предательство... запрещено».

Тео с трудом дались эти слова. Санда пустила листок по кругу, Тео подписался последним. Крестообразная Т, буква Л и месяц. Нахлынуло дежавю. «Будто Макабр начинается заново...»

Когда с договором было покончено, Кобзарь вновь покачал головой:

– Это рискованное предприятие... Там, за моей спиной, – целый мир, о котором вы ничего не знаете. Вас ждет многое, и, если вы вернетесь, – будете не такими, как прежде.

– Макабр продолжается? – Шныряла поправила шкуру на плечах.

Кобзарь вздохнул:

– Вы не поняли одного... – Он долго колебался, но добавил тихо-тихо: – Макабр – больше, чем игра.

Повисло молчание, и Тео почудился особый смысл в этих словах. Словно Кобзарь хотел что-то сказать, но не мог сделать этого прямо. Он просто выразительно смотрел на них, а в зубцах башен завывал ветер.

Далеко внизу Тео увидел, что среди раскачивающихся деревьев поблескивает золото.

– «По тропе золотой ты уйдешь далеко...» – проговорил он. – Кажется, я вижу эту тропу.

– Нужно поспешить. – Маска взгляделся, куда указывал Тео, и шагнул к лестнице.

– Без одеял? Без посуды и еды? Там же дикий лес! Вдруг нам не один день придется идти? – заныла Санда.

Маска постучал по сумке на боку:

– Все тут.

Кобзарь погрозил пальцем:

– Ваш отец не должен был предупреждать... Ох, если Госпожа узнает!

Маска промолчал.

– Ну что ж! – Музыкант перекинул кобзу со спины, и та отозвалась нежным гудением. – Тогда прощаемся? Быть может, я и не увижу вас больше... Пусть ваш путь в неведомые земли всегда освещает яркая луна! В тяжелом путешествии вы должны помнить лишь то, что я вам сказал. Лишь это.

Он отбросил ткань и заиграл. Пока игроки спускались по ступеням в неизвестность, вслед летела порывистая мелодия. В ней чудилось и отчаяние, и радость, но более всего – ожидание светлого конца. Тео подумал, что это мелодия странствий.

У подножия холма лестница обрывалась. На нижней ступени Тео оглянулся. Кобзарь стоял у двери, и ветер развеивал перья на шляпе, которые колыхались радужными волнами. Лицо его было грустным, однако, увидев, что на него смотрит Тео, музыкант улыбнулся и помахал рукой. Тео думал махнуть в ответ, но руки словно онемели и не хотели подниматься.

Мир вокруг будто вырезали из черной бумаги, на которую приклеили два золотых рисунка: кружок луны и длинную золотую стену замка, тянущуюся по холмам, ущельям и горам влево и вправо – и нигде не заканчивающуюся.

Теодор повернулся и зашагал за спутниками.

Макабр не закончился. Теперь, чтобы найти выигрыши, им предстояло путешествие в неведомый край. В животе свернулся целый змеиный клубок: страх, тревога, опасность; но где-то рядышком, признался себе Тео, теплилась и надежда.

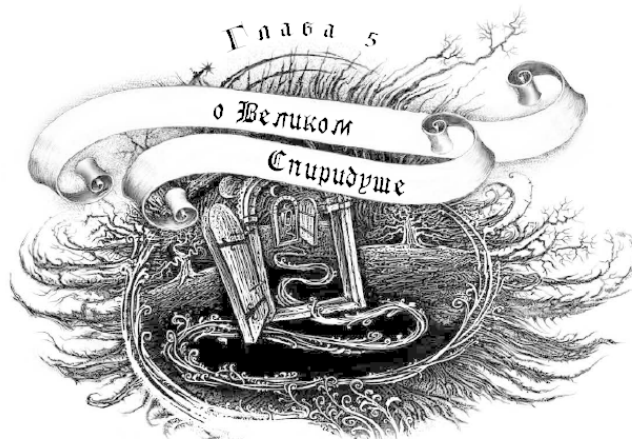
«Я верну их. Я все исправлю. Пока не знаю, как именно, просто знаю – и все».

Началось путешествие в Полночь.

Глава 5

О Великом Спиридуше

Лес был странный. Если не сказать – страшный.

Игроки вошли в длинный туннель из деревьев – черные стволы-стены и потолок из переплетенных ветвей. В темноте по обеим сторонам тропы росли невысокие кусты со светящимися золотом листьями. Тео коснулся одного: ему казалось, на пальце останется ярко-желтая краска. Но нет: куст озарялся призрачно-золотым светом изнутри.

– Это нимерица. – Маска подошел, позвякивая косицами. – Золотой базилик. Ходит легенда, что нимерица вырастает в тех местах, куда упала слеза души, уходящей по дороге мертвых...

Санда громко сглотнула. Она шла последней и оглядывалась на просвет, в котором еще проблескивали золотые башни.

Ветер шуршал в ветвях, но у земли застыло безмолвие. Воздух гулкий и тяжелый, набряк от терпкого запаха. Союзники углублялись в лес, а следом шла тьма.

– Будьте наготове, – прошептал Маска. – Вот-вот настигнем Вангели с Алхимиком... У них нет патронов, но наверняка что-то припасено.

Через некоторое время они вышли к разлому в земле – и лес, и золотая тропа обрывались в темную глубокую трещину. Тропа возникала на той стороне, на опушке за провалом.

В воздухе пахло гарью. Маска присел у края и поднял обрывок веревки, с которого сорвалось несколько алых искр.

– Умно, умно... – Маска повернулся с хмурым лицом. – Здесь был веревочный мост на ту сторону. Но благодаря мэру его теперь нет.

– Но мы же... – пролепетала Санда. – Как же тогда?

Маска провел ладонью по лицу:

– Искать другой путь. Правда, придется сойти с золотой тропы.

Шныряла заскрежетала зубами:

– Как поймаю Вангели, напомните, чтоб, перед тем как резать ему глотку, я заставила его станцевать с Алхимиком балет...

Они еще немного постояли. Санда мялась позади всех и, перехватив взгляд Тео, покраснела. Теодор вспомнил их разговор перед тем, как освобожденный мальчик дал подсказку. Она хотела уйти... У самого Тео ноги гудели, рана на лбу ныла, он жутко устал и хотел, чтобы все закончилось. Взгляд то и дело возвращался к туннелю, где сияли золотые листья. Где-то там осталась Дверь, ведущая в Трансильванию...

Содрогнувшись от отвращения, Тео оборвал себя: «Забудь о пути назад. Только вперед – и ты получишь все. Или ничего». Он перевел взгляд вправо, где в темноте чуть покачивались ветви и змеились изогнутые стволы. Он сам удивился, когда отвел нимерицу в сторону и сошел с тропы. Тео услышал, как следом, чертыхаясь, в кусты вломила Шныряла. Маска шел гораздо аккуратнее. Санда, немного постояв у золотых зарослей, вздохнула и нехотя шагнула за союзниками.

На сапоги налипли сорванные при ходьбе листья. Тео было не привыкать бродить ночью, но даже он чувствовал себя не в своей тарелке. Одно радовало: луна в Полночи оказалась больше и ярче трансильванской. Вскоре Тео хорошо стал различать все, что происходит в мрачной чаще. То здесь, то там зажигались огоньки чьих-то глаз. Затем исчезали. Тео не выпускал нож из руки.

Деревья здесь росли причудливые, то и дело раздавались крики птиц – странные, завораживающие, порой Тео слышались в них какие-то слова. Игроки шли уже около часа, но провал и не думал заканчиваться.

– Слишком отдалились от тропы, – заметил Маска, догнав Тео.

Тео споткнулся и остановился. Он не привык, что приходится делить одиночество с кем-то. Шныряла догнала их и молча засопела, отряхивая мех на плечах. Санда подошла только через полминуты. Одежда в колючках и репейниках, на ботинках – грязь с берега ручья, где она оступилась.

– Больше не могу, – всхлипнула она.

Однако Маска не обратил на это никакого внимания и повел маленький отряд дальше.

Скоро начался не совсем обычный лес. У обрыва деревья сходились все гуще, просветы забрало колючками. Землю то и дело прорезали овраги, приходилось забирать вправо. Стали попадаться странные деревья: в свете луны Тео четко видел, что у самой земли извилины в коре складываются в буквы S. И таких деревьев становилось больше и больше. Он показал загадочные символы Маске, но тот лишь покачал головой.

Луна опустилась ниже, свет угас. Тео сокрушался о том, как далеко ушли Вангели и Алхимик. Санда и Шныряла переругивались. Последняя бросалась такими ругательствами, что даже Теодор ежилась.

– Кажется, мы тут были, – вдруг жалобно сказала Санда.

Теодор осмотрелся: ни намек на просвет. Они стояли на поляне, окруженной мечеными деревьями. И да, этот огромный пенёк с пустой серединой, заполненной водой, он уже видел...

Маска бросил на траву сумку: похоже, сдался. Санда упала, где стояла, и с хриплым стоном перевернулась на спину. Тео и сам еле держался на ногах, икры будто свинцом налились. Ему было неуютно от чужих голосов, от чужого присутствия. Он раздраженно поморщился. Захотелось укрыться. Сбежать.

– Там был ручей... наберу воды, – выдавил он и, взяв у Маски котелок, отправился к источнику.

Тео лег на валун лицом вверх и уставился в темное звездное небо. В Карпатах он часто играл на флуере для Севера. Внутри сжалось от воспоминаний о филине... Тео вытащил дудочку, поднес к губам, выдохнул в тишину печальное «ти-ти-уу»... и уловил сбоку шелест и мягкий топот. Он подскочил, уставившись в чащу: ничего, только мшистые стволы и ветки.

На расстоянии десятка шагов загорелись две точки. Тео уставился на них, а они – на него. Тео моргнул, и глаз как не бывало. Ежась от тревоги, он поспешил обратно. Маска уже развел костер, а девушки все ругались.

– Где вода? – рявкнула Шныряла.

Теодор понял, что вернулся с пустыми руками. Лицо Шнырялы перекошилось.

– Кругом остолопы! Договор дружбы! – Она закатила глаза. – Договор идиотов, вот что! Одна – безмозглая живячка, другой волком глядит. Ты на себя смотрел? Чую, ночью нам глотки перережешь.

Шныряла прорычала еще что-то невнятное и потопала к ручью. Тео потряхивало. Ему казалось, с девушкой тоже нейтралитет... Тео понял, что никогда не был близок с ними, хотя во время Макабра иногда казалось, что...

«Что? – хмыкнул он про себя. – Друзья? Когда ты уже научишься обходиться сам? Дружба – просто небольшое перемирие, которое люди устраивают, когда им что-то нужно друг от друга. Вот и все».

Луна села, и темнота опустилась непроницаемой грозовой тучей. Маска развел костер и раздал остатки лепешки. Тео вмиг проглотил свой кусок. Живот тут же заурчал, даже горячая вода с травами его не успокоила. Черные ветви скрипели, ветер гудел так, что дрожь пробирала до нутра. Мир, где не встает солнце... «Как же здесь деревья растут? И цветы?» – Тео взглянул на небо, густо усыпанное звездами. Он нашел Большую Медведицу, но она отчего-то показалась совсем чужой.

Маска завернулся в тяжелый кожаный плащ, а Санде отдал шерстяной плед. Шныряла улеглась на подстилку из ветвей. Тео положил под голову руку и устроился на мху, но сон не шел. Некоторое время он лежал, потом открыл глаза и уставился в темноту. Вон там, рядом со стволом... высокое, темное... *Тень?* Тео моргнул. Кусты, просто кусты... или нет? Сердце забухало, по телу побежали мурашки.

Тень.

Что это было? Что охотилось за ним? Или просто следило? «Что бы ни было, оно осталось в замке», – сказал себе Тео. Он закрыл глаза, но близость людей, которым он не доверял, и воспоминания о тени не давали уснуть.

Несколько минут спустя Тео почувствовал легкий топот, будто какой-то ребенок бегал босиком по краю поляны. Он даже уловил тихий, призрачный смех. Но Тео точно знал: в лесу детей быть не может. Он глотал комки страха и не мог успокоиться. Наконец вспомнил про бечевку во внутреннем кармане. Плюнув на все, Тео выбрал дерево с удобной ветвью, забрался на него и привязал себя к стволу. Иногда в Карпатах, если не находилось подходящего дупла, он ночевал так, чтобы не достаться волкам.

Тео проснулся от яркого света. На миг он подумал, что взошло солнце, но, открыв глаза, увидел полную луну. Тео прыгнул на землю и, едва выпрямившись, замер.

Поляна была пуста.

Он прошелся по траве, заглянул за деревья. Никого. Прокричал имена, однако ответом был лишь голос неведомой птицы: «Спи-ри-дууу, спи-ри-дууу». Теодора пробрала жуть. Он остался в неизвестном лесу. Один.

«Ушли...»

Тео ожидал чего-то в этом духе, но все равно оказался не готов. Он разозлился и ринулся туда, куда, по его мнению, Маска должен был повести спутниц. «А может, они разделились? Вдруг, пока я спал, Санда захотела вернуться, а Маска и Шныряла ушли за картой вдвоем? Решили, что без меня лучше! Конечно, не придется делиться!»

Тео вспомнил злобную Шнырялу, сомневающуюся Санду, безучастного Маску и ударил кулаком по стволу. Теперь придется опережать не только Вангели, но и бывших союзников!

Тео шел и шел, прорываясь сквозь кустарник и низкорастущие ветки, пока не выдохся. Он прислонился к стволу. Тишина. Ни одной сломанной ветки, ни одного вдавленного в землю листа, трава не примята... Пошли другим путем? Тео чуть не взвыл. Мысли спутались, и он попытался дышать ровно. Затем двинулся правее и обнаружил, что снова забрел на знакомую поляну с огромным пнем. Тео остановился, словно налетел на невидимую преграду. Заглянул в воду, скопившуюся в центре пня. На поверхности плавал странный лист в виде буквы S.

Тео озадаченно нахмурился и оглянулся на темный лес. Что тут происходит? Еще вчера казалось: они идут и идут, а получилось, будто и не двигались с места. «А может... Нет, стоп. Ты прекрасно знаешь, как все было. Вы теперь не вместе».

Он двинулся к краю поляны, но возле самых деревьев замедлил шаг. Вспомнил, как ставил подпись на договоре. «Иди же! Ты избавился от соперников, остались только Вангели и Алхимик». Но пункты... «Черт возьми, не будь идиотом, это просто бумажка!» Тео потоптался еще немного, чертыхаясь, в конце концов плюнул и направился обратно.

Он долго шарил в траве и ближайших зарослях, пока не додумался вернуться к ручью, и там, рядом с камнем, на котором лежал, нашел отпечаток ступни. Босой ступни, вдвое меньше его собственной. Стараясь не шуметь, Тео пошел вниз по ручью; журчание разливалось по округе холодно и жутко. Через некоторое время он разглядел в камышах круглый вход: такой бывает, если речные животные делают лаз вглубь зарослей. Тео потянул воздух и учуял слабый запах костра. Покачив головой, он зажал в зубах нож и, встав на колени, пополз.

Под ладонями хлюпало, колени промокли, но Тео не обращал на это внимания: он обнаружил в затхлом иле еще несколько отпечатков босых ног и понял, что движется в верном направлении. Он пополз быстрее, а когда заросли закончились, выглянул из лаза и чуть не вскрикнул.

Перед ним открылась огромная поляна, окруженная древними деревьями – полусгнившими, искореженными. Посреди нее горел костерок, вокруг которого расселись странные создания. Тео поморгал, чтобы отогнать видение, но нет: на пеньках действительно устроилось несколько десятков карликов, точа ножи и перебрасываясь утробными звуками. Все они были ростом с трехлетнего ребенка, странно одетые: штаны и кожуки вывернуты наизнанку, а ноги – босые. Во главе на самом высоком пне восседал толстый карлик с рыжей бородой. На его шишковатый лоб то и дело сползала корона: птичье гнездо с яйцами.

– Премия вленников! – Карлик в черном бухнул в маленький металлический гонг.

Коротышки загалдели, и из зарослей появились еще карлики, явно тащившие что-то тяжелое. Когда на поляну выволокли три тела, обмотанные лианами, Тео с ужасом узнал в них... Санду, Шнырялу и Маску!

Пленников подтащили к костру, и Тео с облегчением отметил, что они в сознании. Шныряла, разумеется, гневно зыркала из-под листьев и цветов и гулко мычала, пытаясь выплюнуть лиану.

Главный карлик поднял пухлую ладонь, и маленький народец утих.

– Братья мои спиридуши! Мы воздавали хвалу Великому Спиридушу несколько часов, и вот время настало: он готов принять в жертву этих неверных... Гадких, мерзких, как их? Сквернословов, да! Мы не потерпим, чтобы в нашем лесу звучали грязные слова! Наказание неверным – смерть!

Спиридуши одобрительно затопали босыми ногами.

– Великий Спиридуш пожрет сквернословов, ведь он, – лицо карлика расплылось в слащавой улыбке, – сама музыка!

Спиридуши радостно захлопали в ладоши, а из травы вынырнуло несколько малышей, которые подбежали к Шныряле и с визгами принялись ее пинать. Шныряла тарасила красные глаза и рычала. Король поморщился, помахал кистью, и ребятня оставила Шнырялу в покое, рассевшись возле главного спиридуша. Один из малышей запрокинул курчавую головку и пропищал:

– А сскажете про Сперикого Велидуша?

– Великого Спиридуша, – поправил король. – Эх, мальки! Когда-то ваши деды говорили много дурных слов, и Великий Спиридуш рассердился. Он наказал дедов, и теперь все спиридуши все путают. Кроме вашего короля, да! – Главный спиридуш выпятил грудь, как ему

казалось, очень важно. На деле же он выдвинул живот, отчего кожух угрожающе затрещал. – Но однажды Великий Спиридуш явится и излечит нас!

– Зумыкой?

– Музыкой, – закивал король. – Потому что Великий Спиридуш – бог музыки!

Карлики радостно загалдели, а Тео, судорожно соображая, что за чертовщина тут творится, слушал дальше.

– Однажды он явится, ага... Великий Спиридуш. – Жирный подбородок короля благоговейно затрясся. – Высо-о-окий, как дерево, прекрасный, как... свет месяца, да!

Эти слова ввели спиридушей в иступление, они восторженно заахали и заохали.

– И еще... лик его, то бишь лицо, светло. А волосы – длинные, значит, сияют и переливаются... и такой свет от него по всей земле... ослепительный! А на голове, понимаешь ли, красивущие перья и цветочная корона. Одет он в розовое и благоухает, ну... как весенний луг! Да, такой он – Великий Спиридуш, сама музыка. Однажды он явится нам!

– Госедня?

– Не, малек. Не сегодня.

– Хоцу госедня! Госедня! – захныкал малыш, и недовольная лохматая мамаша щелкнула его по затылку.

– Вот когда мы принесем много жертв, Великий Спиридуш явится и снимет заклятие. А теперь – зумыка! Тьфу ты, музыка!

К королю подскочил карлик с ужасно волосатыми ногами и, поклонившись, подал ему свистульку, в которой Тео опознал цветастого петушка Санды.

Спиридуши, забыв про пленников, сбились в кучу. Главный поднес свистульку к толстым губам – причем не той стороной – и дунул. Из петушка вырвался пронзительный звук, как будто кого-то раздавили. Тео поежился.

Спиридуши же затряслись со счастливыми лицами, поднялся гвалт и шум, тут и там раздавались радостные хлопки. Главный с довольным видом дунул еще раз – и одна старушка, не выдержав наслаждения, с восторженным воплем упала и задергала в воздухе босыми пятками:

– Зумыка, зумыка!

– Премия вленников! – Черный карлик снова ударил в гонг.

Спиридуши, оправившись от «концерта», радостно налетели на пленников и потащили их к костру. Тео судорожно моргнул, соображая, что делать. Он вдвое выше, у него нож. Но и карликов целая куча, и они тоже с ножами. А вокруг поляны на ветвях расселось еще несколько десятков спиридушей, болтая в воздухе босыми ногами, и у каждого в руках было по острому камню.

Тео переполз чуть ближе, за куст, усыпанный гроздьями крупных белых цветов, и осторожно выглянул. Пламя разгорелось ярче, спиридуши принялись водить хоровод, пока дергающуюся Шнырялу, как самую «неверную», подтащили к костру. Ее постоянно хватали за бока, а девушка яростно выла, брыкаясь, и наконец угодила сапогом одному из спиридушей по носу. Карлик с воплем повалился в костер, подпрыгнув, схватился за зад и начал носиться по поляне, пока не додумался сесть дымищимися ягодицами в пенек с водой.

Тео отвел цветущие ветви, пытаясь разглядеть, что происходит, и тут...

«Цветы. Песня». Теодор застыл, тяжело дыша от страха, смешанного с возбуждением. Он уставился на большие белые грозди, висящие перед самым носом. Вот цветы. А песня... Дрожащей рукой Тео потянулся к плащу и нащупал флуер. Голос сказал, что делать!

Великий Спиридуш...

Тео разрывался. Он глянул на лаз, но заставить себя заползти обратно, слыша вопли Шнырялы и стоны Санды, не мог. «Если это не сработает...» Мысленно выругавшись, Тео взял себя в руки. «Об этом в моем дневнике записи не будет! Если кто расскажет, я того убью!»

Он сорвал две самые крупные грозди и заложил их за уши, чувствуя себя конченным идиотом. Понюхал свитер. «Благоухающий, он сказал? Как цветы весной? Да, черт возьми, они передохнут от одного моего запаха!» Но ведь спиритуши впали в экстаз от простого свистка. «Ну, Тео, давай... это твой звездный час!»

Он встал, поднес к губам дудочку, и к гвалту, шипению костра и топоту примешалась ласковая мелодия.

Тео задул сильнее, и музыка взлетела в полную силу. Трели кружились и прыгали, подобно утренним птицам на поляне. Наигрывая веселый жок, Теодор выступил из-за куста.

Едва спиритуши услышали флуер, все до единого смолкли и повернулись к Тео. Глаза расширились, рты распахнулись – и карлики, тряся руками и ахая, упали на колени. Воодушевившись эффектом, Тео продолжил играть. Упитанная старушка бодро подползла к его ногам и расцеловала сапог.

Когда Тео выдохся и опустил флуер, спиритуши благоговейно застонали, протягивая к нему руки.

– Великий Спиритуш явился! – заорал на всю поляну главный карлик. Его корона-гнездо съехала набок, но он не обратил на это внимания и с ликованием постучал по пеньку. – Слава Великому Спиритушу! Слава музыке!

Карлики в один голос начали скандировать:

– Спи-ри-душ! Спи-ри-душ!

Старушка, обхватившая сапог Тео, подняла голову и подозрительно принялась. Ноздри ее затрепетали, маленькие глазки сузились еще больше. Она уже раскрыла рот что-то спросить, но Тео дунул во флуер, и старушенция, опрокинувшись на лопатки, благоговейно застонала:

– О, бой мог! Бой мог!

Тео откашлялся и постарался говорить как можно более грозно:

– Я – Великий Спиритуш! Я явился, чтобы... чтобы излечить вас.

В ответ раздались восторженные вопли:

– Спиритуш, Спиритуш спасет нас! Он накажет неверных!

Тео быстро сообразил, что делать.

– Да! Неверные! – Он, сурово сдвинув брови, зыркнул на Шнырялу. – Грязные, мерзкие сквернословы! Их надо наказывать!

Спиритуши ринулись к пленникам, и Шныряла забрыкалась, как бешеный заяц.

– Вы должны отдать их мне!

Спиритуши недоуменно уставились на Тео. Старушка снова начала приняховаться, и Тео быстро поднес к губам флуер. По карликам прокатилась волна блаженства.

– Да, вы должны отдать их мне, потому что Великий Спиритуш... неверных... пожрет сам!

– Да, да, – заворуженно закивали в ответ спиритуши.

– И это... развяжите их. Лианы в зубах застревают.

Пока спиритуши не сложили два плюс два, Тео принялся играть на флуере, да так весело, что спиритуши чуть не попадали в обморок, захлебываясь от ликования. Забыв обо всем, они миглом развязали пленников, подтолкнули их к Теодору и принялись водить вокруг хоровод, кружась и срывая цветы. Подозрительная старушка, позабыв приняховаться, набрала целую охапку и осыпала сапоги Теодора лепестками.

– Спиритуш, Спиритуш, ты спасешь сто сотен душ!

Тео заметил, что, пока он играл, карлики заговорили правильно, перестав путать буквы. На секунду оторвавшись от флу-ера, он шепнул очумевшей Санде:

– Быстрее в ход!

Тео играл и играл до тех пор, пока спидуши не выдохлись. Переутомившись от наслаждения, карлики попадали кто куда и только слабо дергали ногами, как недобитые мухи.

Тео понял, что пора смываться.

Он опустил флуер. Никто даже не пошевелился.

«Отлично!»

Тео ринулся в лаз и быстро пополз обратно.

Выбравшись на берег ручья, он зашлепал по воде к поджидавшим его спутникам. Помятая Санда грустно рассматривала сломанный лук, Шныряла с ворчанием выковыривала из зубов лиану. Маска стоял молча, сложив руки на груди.

– О, гляньте-ка, Великий Спидуш, – хмыкнула Шныряла.

Тео нетерпеливо отмахнулся.

– Выбираемся на поляну и ходу отсюда. Эти чокнутые скоро очухаются и пустятся в погоню... А знаете, почему мы вчера заплутали? Эта поляна волшебная, спидушевская! Я все время к ней возвра...

Тео запнулся. Шныряла уставилась на него в упор и сплюнула зелень. К щекам Тео прилил жар, он нервно сглотнул.

Маска метнул в него острый взгляд и прервал затянувшееся молчание:

– Поляна зачарованная, это ясно. И, чтобы отсюда выбраться, нужно разрушить чары спидушей.

Выбираясь на поляну следом за остальными, Тео чутко вслушивался в ночь и прикидывал, что делать, если карлики набросятся на них всей ватагой.

Вдруг Санда, остановившись возле одного дерева с буквой S, проговорила:

– Я не знаю... но мне показалось, что...

Маска перехватил ее робкий взгляд:

– Да, Санда?

Девушка замялась.

– Ну... Я сначала думала, что спидуши говорят на другом языке, но потом поняла: они просто буквы путают, слоги местами меняют... И одежда! У них же все шиворот-навыворот надето! Я когда-то читала сказки Раду, и там была одна про спидушей... правда, это только сказка...

– Санда, – Маска чуть приподнял уголки губ, – последний месяц Макабра и есть сказка.

Тео сообразил, к чему ведет Санда.

– Отец мне советовал, если заплутал в лесу, нужно вывернуть...

– ...одежду наизнанку! – подхватила девушка. – А еще надеть обувь с левой ноги на правую и наоборот!

Шныряла крикнула, но Маска тут же вывернул дубленый кожух шерстью наружу. Тео переобул кабаны сапоги, плащ тоже вывернул; чувство было дикое, ему хотелось рассмеяться.

Они быстро пересекли поляну, прошли немного лесом, в котором деревья были помечены буквами S, и оказались возле незнакомого ручья. Шныряла бегом врезалась в воду, подняв тучу брызг. Санда снова поскользнулась и чуть не упала, но ухватила за локоть Тео. Прикосновение было мимолетным, однако Тео чуть сам не грохнулся – он ни при каких обстоятельствах не позволял к себе прикасаться – и, едва Санда выровнялась с виноватым видом, тут же шагнул в сторону. На том берегу ручья букв S на деревьях уже не было.

Вскоре по пологому обрыву игроки спустились в ложину, а через пару часов Санда заныла, что больше не может. Впрочем, и Тео в неправильно обутом сапогах уже готов был взвыть. Решили устроить привал и разожгли костер.

– Нам нужно податься влево, где золотая тропа. – Маска отпил из фляжки.

Тео согласно кивнул.

Над костром жарился заяц, которого Шныряла ухитрилась поймать, перекинувшись собакой. Санда с подозрением взяла протянутую ножку.

– У меня руки грязные, – пробормотала она и попыталась обтереть грязь о штаны.

Сам Тео о таком не волновался, но девушка то и дело поправляла волосы и даже расчесывала пальцами – гребешка в чудо-сумке Маски не оказалось. Тео прикинул, сколько она продержится.

Раздалось басовитое гудение, и на бревнышко рядом с Тео уселся бражник с ярко-желтым рисунком черепа на спинке. Тео очень редко видел в Трансильвании эту ночную бабочку и захотел посмотреть на нее поближе. Увидев, что он тянет руку к бражнику, Маска вскрикнул:

– Нет! Не трожь!

– Почему это?

– Отец говорил, что охотиться в Полуночи можно на кого угодно. Нельзя трогать лишь одно существо. Бражника «мертвая голова».

Мотылек с гулом завис перед лицом Тео, и он отпрянул.

– Говорил, что бражниками обращаются мертвые принцы, – продолжил Маска. – И если им причинить вред...

– Мертвые принцы? – переспросила Санда.

Маска помолчал.

– Отец не мог рассказать о Макабре все. Смерть запретила. Но кое-что поведал о Полуночи и сказал подготовиться к походу. И мы должны поблагодарить тебя, Тео.

Обе девушки удивленно посмотрели сначала на Маску, потом на смущенного Тео.

– Ты выполнил один из пунктов договора. Теперь наши подписи вступили в силу. Помните? «Если союзник попадет в беду, другие не уйдут, пока не сделают все, чтобы его спасти». Ты вытащил нас из крайне неприятной заварушки. Не думаю, что нас бы зажарили, но... все-таки! – и Маска подмигнул.

Тео потупился, не смог подобрать слова и просто кивнул.

Шныряла громко фыркнула, пробубнила что-то одобрительное и принялась ожесточенно натачивать нож.

– Нужно держаться друг за друга, – веско сказал Маска. – Особенно в этом месте. Как бы трудно ни было. Я предлагаю еще одну вещь: пусть каждый назовет истинное имя и цель путешествия.

Шныряла скривилась, но Санда встрепелась и робко начала:

– Меня зовут Санда... э-э-э... Стан. Я хочу вернуть домой моего отца. – Она замялась, покраснела и добавила: – И... еще одного друга.

Девушка облегченно выдохнула, перевела взгляд на Теодора.

– Теодор Ливиану. Ищу родителей.

Шныряла упрямо молчала, и Маска продолжил сам:

– Вы знаете меня как Охотника и Маску. Мое же настоящее имя – Змеевик. Я сын Господаря Горы.

Тео чуть не упал. «Черт!» Он подозревал, что между Охотником и Господарем – огромным змеем-оборотнем, который когда-то чуть не сожрал его и Шнырялу, – есть связь, и вдруг пазлы сошлись!

– Моя истинная цель, – тут Маска тронул свой перстень, огромный, с большим черным камнем, – отыскать Лучезар.

Это светящийся камень, из которого сделаны игральные кости для Макабра. Лучезар охраняет величайший змей мира Балаур. Он мой предок, родом из Полуночи. Я должен получить этот камень, чтобы... – тут Маска вздохнул, – стать законным принцем и превратиться в змея навсегда.

Шныряла вскочила на ноги, выронив нож. Тео подумал, что она решила быстро рассказать о себе, но девушка лишь гневно уставилась на Змеевика. Тот отвел глаза.

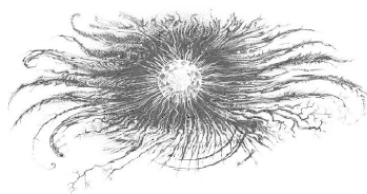
– Договор! – хрипло выплюнула Шныряла. – Договор, говорите? Ерунда. Эта бумажка ничего не значит.

Она покачала головой и посмотрела на Теодора. Он понял, что хотела сказать Шныряла: «Я знаю, о чем ты чуть не проговорился».

– Между нами, – взгляды Шнырялы и Змеевика пересеклись, и парень нервно стиснул пальцы, – между нами всеми ничего – слышите? – ничего нет!

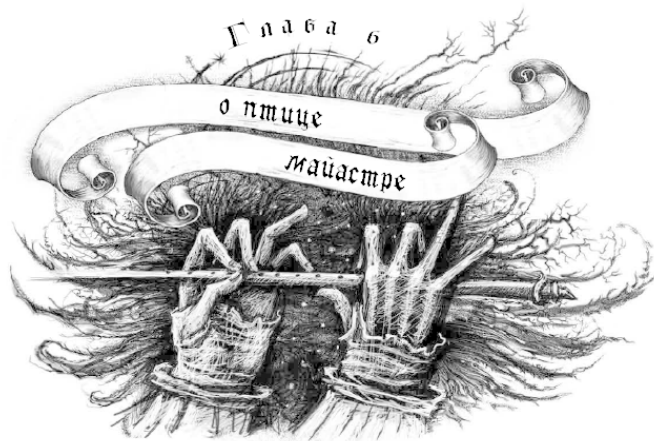
Тео с удивлением заметил, что глаза девушки заблестели – так, как блестят от слез. Спohватившись, Шныряла тряхнула головой и, подняв нож, ушла по высокой траве в лес.

Змеевик дернулся, будто хотел догнать ее, но потом с каменным лицом уставился на кольцо. Его пальцы сжались в кулаки и побелели.

Глава 6

О птице майастре

Тео считал, что достаточно повидал за месяц Макабра, но он ошибался. Более прекрасного и ужасного места, чем Полночь, он и представить себе не мог. Все было странным, причудливым – и, несмотря на тревогу, Тео признался себе: черно-золотой мир его зачаровал. «Как в сказке», – вспомнил он слова Санды.

Они шли долго, спускаясь и поднимаясь по заросшим деревьями холмам, и каждый раз Тео предвкушал новое открытие.

На одном холме росли редкие деревья, между которыми колыхалась мягкая искрящаяся трава. Стоило опустить ногу на землю, как травинки вспыхивали серебром, тут же загорались соседние, и от ноги, потрескивая, во все стороны убегали яркие волны. Тео наклонился, тронул траву, и от его ладони разлилось серебро, чуть уколов пальцы.

На другом холме игроки то и дело останавливались у странных цветов: этот – словно пламя свечи, светящийся изнутри; а эти – связка ключей.

Третий холм венчало дерево, похожее на выросшую из земли руку – пять длинных толстых ветвей, словно гигантские пальцы, поддерживали небо.

Ночь говорила на все лады: где-то свистело, где-то ухало, где-то булькало, словно кто полоскал горло, а иногда из кустов раздавался детский плач. Тео бежал туда, но как только он приближался, плач умолкал. И потом, когда Тео отходил подальше, начинался снова.

Змеевик упорно вел на запад, но золотая тропа все не находилась. Тео казалось, деревья передвигаются. Или кто-то их переставляет – так что порой они проходили одно место дважды или трижды. К счастью, они теперь знали, что делать, и, выворачивая одежду, выбирались с зачарованной поляны. Санда падала в каждый ручей, и, когда она отказалась набирать воду, сославшись на то, что за ней охотится стихия воды, Шныряла развопилась:

– Отличный страх! Всем за водой ходить можно, а тебе нет. Тоже заведу себе такой, а еще боязнь охотиться и готовить жратву. Может, и чай пить не будешь? Там же вода – вдруг в котелок бултыхнешься и утонешь? Хотя я не против!

Тео молча взял котелок и отправился по тропинке к ручью. Тео отвел низко росшую ветвь и вскрикнул: листва тучей поднялась вверх. Один лист завис перед носом – за плоским тельцем помахивали коричневые крылья с прожилками, а то, что Тео принял за черенок, оказалось головой. Уставившись на незваного гостя золотыми глазами, лист прострекотал что-то сердитое, вспорхнул в небо следом за роем и растаял между звезд.

Тео удивленно покачал головой. Выйдя к ручью, он слышал шелест со стороны и, обернувшись, увидел выходящую к ручью Санду. Девушка нерешительно приближалась, и Тео нервно сглотнул.

– Я хотела... – Санда запнулась и уставилась в землю.

Тео не сразу понял, что она разглядывает то место, где должна была быть его тень. Лицо девушки выражало то ли страх, то ли нерешительность.

– Я просто хотела... сказать спасибо.

– За что? – резко спросил Тео.

– За спасение.

Тео сдвинул брови. Сбиваясь и краснея, девушка продолжила:

– Я слышала, что бормотала Шныряла, но... Мне без разницы! Правда! Несмотря ни на что, ты... спас всех нас...

Она облизнула обветренные губы.

– В общем, ты понимаешь, что я хочу сказать.

– Нет, – честно ответил Тео.

Санда, кажется, не поверила.

– Я думала, мне конец. Эти карлики... – Она побледнела. – Я даже не успела набросить сеть-невидимку, выхватить лук... Только глаза разлепила – и все! Они нас уволокли. Если бы не ты... не знаю, что бы со мной было.

Санда посмотрела Тео прямо в глаза, и он почувствовал, что не может выдержать взгляда. Он вспомнил, как уговаривал себя им помочь. После того, как уговаривал бросить.

– Это ерунда.

– Почему?

– Потому что... – Тео глубоко вздохнул и отчеканил правило, то самое, к которому пришел за годы, прожитые с людьми. – Тот, кто тебя спас сегодня, завтра может тебя убить.

Санда открыла рот, но он перебил:

– Я просто знаю. Шныряла права насчет Договора. Каждый сам по себе.

Девушка упрямо сдвинула брови:

– Я думаю по-другому. Тот, кого ты спас сегодня, завтра спасет тебя.

Тео промолчал. Поднял котелок и направился к ручью, но Санда не ушла. По-прежнему смотрела.

– Я хотела кое-что попросить...

– Что еще?

– Ты мог бы починить? – Она вытянула из-за спины сломанный лук. – Это единственное, чем я могу защищаться, чтобы какая-то дрянь меня не слопала. Стрелять Раду научил...

Тео покачал головой.

– А сделать новый?

– Можно, но таким убить что-либо не выйдет.

– Вик сказал, что может дать нож, но я не умею с ним управляться. А ты... – Санда покраснела до кончиков волос и проямлила: – Я видела, ты хорошо им владеешь. Ты мог бы меня научить?

Настал черед Тео смущаться.

– Я? Не думаю, что... Попроси Змеевика.

– Тогда Шныряла меня во сне загрызет.

– Она тут при чем?

Санда вскинула брови.

– Ты серьезно не понимаешь? Ладно. – Она махнула рукой. – Просто я тебе... доверяю.

От ее слов внутри потеплело. Тео это не понравилось.

– Я хотела вернуться тогда, до спиридушей. Мой отец скрывал от меня что-то. Этот вечный запах лекарств дома... Я теперь догадалась, почему Смерть забрала его. Он был болен. Понимаешь? И я думаю, он уже... Я просто не смогу! Я скучаю по нему ужасно. У меня нет семьи, кроме папы, но... я не смогу, Тео!

Последние слова Санда выкрикнула, и Тео вздрогнул. Девушка судорожно потеряла раны на шее.

– Он был прав, мой папа. Я просто слабачка! Я трусиха, Тео! – Ее глаза наполнились влагой, она уже говорила сама с собой – не с ним. – Мне нужно было сидеть дома и никуда не соваться... Но проблема в том, что уже поздно! Если я уйду...

Санда оглянулась на темный лес. Где-то закричала птица, и девушка сжалась.

– Если уйду, то ни за что не доберусь до замка. Я теперь могу только отправиться с вами. Куда бы вы ни пошли. Потому что без вас... – Она помолчала, потом решительно шагнула к Тео: – Я думала, что могу за себя постоять. Но когда мы боролись с Радугой, это была просто игра. А теперь все по-настоящему, и я бесполезна. Понимаешь?! Ты можешь научить меня чему-то? Как защититься?

Тео столкнулся с девушкой взглядом – на миг, но егохватило, чтобы внутри заворочалось что-то щекочущее и странное.

– Пожалуйста, – умоляюще выдохнула Санда.

Тео отвернулся, мечтая провалиться сквозь землю. Он чувствовал, что его уши полыхают. «Черт возьми, что за ерунда?!»

Санда все ждала. Все смотрела.

Тео сглотнул комок в горле и... кивнул.

Единственный раз, когда Тео давал урок метания ножей, окончился ужасным событием. Шрам помнил. Заныл.

Тео подобрал небольшой плоский обломок дерева и подал Санде.

– Представь, что это нож. Нападай на меня.

Санда растерялась, но Тео ждал. Отчаянно краснея, девушка замахнулась и попыталась ткнуть ему в плечо – Тео просто шагнул в сторону. Легко, не моргнув глазом, пошутил:

– Твой друг тебя правда учил, а не кадрил?

Санда вспыхнула. Взмах, удар в грудь – Тео просто отклонился.

– Не стой на месте. Двигайся.

Санда, сдувая челку, прыгала вокруг него и пыталась попасть хоть куда-нибудь, целила даже в лицо, несмотря на то, что едва доставала Тео до подбородка. Он даже не вспотел, пока девушка, пытая, вспарывала воздух обломком дерева. Тео это начало забавлять.

Тео хотел отклониться, но позади Санды, на краю поляны... Между темных стволов, куда падал белый свет луны, появилась длинная черная рука. Она вытянулась из-за ствола как сгусток дыма, и следом потянулось остальное тело. Тео замер, широко распахнув глаза. В следующую секунду в живот больно ткнулось что-то твердое. Все вокруг тут же стало черно-белым, Тео услышал нарастающий стук крови в висках, а потом мир померк. Когда он пришел в себя – то ли мгновение спустя, то ли через долгую минуту, – обнаружил, что стоит на поляне, залитой лунным светом, и крепко сжимает Санду за горло.

Теодор испуганно разжал пальцы, и девушка, белая как призрак, с вытаращенными глазами схватила ртом воздух. Ее рука разжалась, деревяшка со стуком упала на землю. Потом Санда развернулась и стремглав бросилась в заросли, не слушая окриков Тео.

Пошатываясь словно в бреду, он направился к лагерю.

– Ты что, издеваешься? – накинулась на него Шныря. – Где котелок?

Тео ответил таким потерянным взглядом, что девушка замерла, а Змеевик поднялся на ноги.

– Что случилось?

Тео открыл рот и тут же закрыл. Растерянно оглянулся на тропинку, ведущую к ручью. Змеевик, не говоря ни слова, скрылся среди ветвей. Шныряла, прищурившись, смотрела вслед.

Сидя у костра, Тео пытался прийти в себя. Есть не хотелось. Он приглядывался к каждому кусту и дергался всякий раз, замечая колыхание теней.

Змеевик быстро вернулся. За ним прибрела Санда, бледная, с опухшими веками, и села подальше от Тео, с другой стороны костра. Тео не знал, о чем они говорили, но взгляд, брошенный на него Змеевиком, был весьма странным.

Костер угас, легли спать. Тео, завернувшись в плащ, глядел в черное небо. Он слушал Полночь, ожидая различить неведомый голос, но до него доносились только таинственный стрекот и вскрики птиц. Тео вдруг понял, что Полночь... поет. Звуки складывались в мелодию. Тео приподнялся на локте, напрягая слух, но уловить музыку не смог: помешал храп Шнырялы.

Тео спал плохо, а под конец ему привиделся кошмар: будто руки перестали слушаться и, вместо того, чтобы отпустить горло Санды, он сжимает пальцы все сильнее и сильнее; Санда, вцепившись в его запястья, кашляет, хрипло умоляет не делать этого, но руки не слушаются, живут сами по себе, подчиняясь чему-то другому – ярости и безумию.

Тео очнулся с немим криком, мокрый, будто катался по росистой траве. Поднялся и побрел куда глаза глядят. Кажется, Змеевик приоткрыл глаза, но Тео было плевать.

Он обнаружил себя стоящим на коленях у ручья. Плеснул холодной водой в лицо и взгляделся в отражение. «Я схожу с ума...» Тео не мог отвести взгляда от темных глаз своего отражения – растерянных, затравленных.

Змеевик пытался всех их примирить. Зачем? Тео повторил свое второе правило: «Слова людей не связывают. Слова – просто звуки, которые с легкостью уничтожает дело. Особенно плохое».

«А если все-таки уйти?»

Тео встал. Он злился на спутников, на себя, на весь мир. «Если доберемся до Ищи-не-найдешь, передеремся за Путеводитель. Каждый захочет получить карту». Тео не сомневался, так и случится. «Что же делать?»

Он посмотрел на запад. Где-то там упорно идет к перекрестку всех дорог Вангели. Ему отчаянно захотелось нагнать мэра, и ненависть была такой сильной, что Тео подумал: как далеко он может зайти?

Он знал ответ.

В карманах лежали только проволока для силков, огниво и помятая отцовская фляжка. Пуститься в долгий путь, не имея припасов, – безумие, но Тео был готов. Это же еще большой вопрос, кто опасней: люди или животные. Тео посмотрел на свое отражение, на отмеченную крестом щеку. Самый страшный шрам на его теле оставило не животное. Человек.

Он перешел ручей и побрел по черно-серебристой траве. Еще колебался, но шагал упорно, потому что постепенно становилось легче. Дальше от людей. Ближе к Ищи-не-найдешь.

Когда они проснутся – его не будет... Интересно, что скажет Змеевик? Повторит свое: «Нужно держаться вместе»? Шныряла сплюнет, правда, без ругательств, от которых пришлось избавиться после спиритушей. Санда... Тео вспомнил расстроенное бледное лицо, усыпанное веснушками, густую непослушную челку. «Потерянная девочка, ввязавшаяся в смертельную игру». Она вздохнет спокойней, увидев там, где он спал, пустое место.

Тео настолько погрузился в мысли, что не сразу заметил – иногда он наступает на очень странные чужие следы. Тео споткнулся. Нахмурился, разглядывая влажную землю. Затем присел и провел пальцами по вдавленному отпечатку гигантской птичьей лапы... Встал, прошел чуть дальше и нашел еще один отпечаток. Потом увидел третий. И уже не сомневался, что там, где под ближайшим деревом впереди чернеет земля, он обнаружит четвертый...

Во рту стало сухо, как в жаркий полдень. Тео сглотнул комок, сердце заколотилось быстрее. Следы принадлежали птице – не просто крупной, а ужасающих размеров! Тео вгляделся в черноту между стволов. Ни движения. Он напряг слух и...

Услышал позади шорох.

Качнулись еловые лапы. Зашелестели кусты. Под чьими-то шагами зашуршала трава.

Холодея, Тео нащупал ослабевшими пальцами нож и, едва обернувшись, чуть не заорал от ужаса. Между темных стволов отчетливо была видна тень намного выше Тео. Тень шагнула вперед, на поляну, и, оказавшись под лунным светом, птица предстала во всей своей красе. Огромная голова с золотым клювом и торчащими вверх покачивающимися перьями. Острый и длинный, клюв блестел искривленной саблей. Громадное тело покрывали блестящие угольно-черные перья. Огромные тяжелые лапы глухо бухали по земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.